

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

И. А. Нифталиева

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО:
ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Учебное пособие

Волгоград
ВА МВД России
2024

УДК 343.2(075.8)
ББК 67.408.0я73
Н 69

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Нифталиева, И. А.

Н 69 Справедливость и уголовное право: философско-теоретический аспект : учебное пособие / И. А. Нифталиева. – Волгоград : ВА МВД России, 2024. – 80 с.

ISBN 978-5-7899-1553-0

В пособии на основе социально-философских и теоретико-правовых концепций общенаучного, исторического, системно-структурного и формально-логического методов рассмотрены вопросы, касающиеся сущности, содержания, характера и роли идеи справедливости в уголовном праве.

Издание предназначено для курсантов, слушателей и адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.2(075.8)
ББК 67.408.0я73

Рецензенты: профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, доцент *А. В. Никуленко*; заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, доцент *Н. Ш. Козаев*.

ISBN 978-5-7899-1553-0

© Нифталиева И. А., 2024
© Волгоградская академия МВД России, 2024

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобальных перемен и больших вызовов вопросы справедливости приобретают особую актуальность. Выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 26 марта 2024 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин в очередной раз обозначил ценность этой категории. «От того, насколько эффективно мы будем обеспечивать социальную справедливость, – заявил глава государства, – зависит внутриполитическое состояние российского общества. Это сохранение нашего государства и обеспечение достижения тех целей, которые мы перед собой ставим по всем важнейшим направлениям»¹.

Справедливость составляет основу стабильности, экономического и политического развития государства. Она является условием нормального и мирного существования людей. Важнейшую роль справедливость играет в формировании государственно-правовой материи. Данная категория представляет собой универсальную меру поведения и миропонимания, средство обеспечения незыблемости права. Справедливость – это элемент общественного правосознания, без которого немислимо адекватное отражение в законе активной действительности.

Идея справедливости выступает ключевым звеном в механизме обеспечения прав и свобод человека, оказавшегося в сфере уголовного права. Закрепление в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) справедливости в качестве одного из его принципов является прогрессивным шагом в области правотворчества и одним из важнейших достижений современного уголовного права, играющих особую роль в утверждении демократических ценностей в России.

Значимость идеи справедливости в уголовном праве обуславливает объективную потребность в обращении к социально-философским и теоретико-правовым основаниям этой категории, исследовании различных ее аспектов.

В настоящем издании освещается генезис теории справедливости в социально-философских парадигмах, анализируется развитие идеи справедливости в науке уголовного права, раскрывается ее значение для общества и государства. Изучение категории

¹ Путин заявил о влиянии социальной справедливости на состояние общества. URL: <https://ria.ru/20240326/putin-1935944043.html> (дата обращения: 27.03.2024).

«справедливость» с точки зрения социальной философии, определение особенностей проявления этой идеи в науке уголовного права способствуют разрешению законодательных и правоприменительных проблем, связанных с реализацией принципов уголовного права.

ГЛАВА 1

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

§ 1. Генезис теории справедливости в социально-философских парадигмах Античности и Средневековья

Справедливость принадлежит к числу базовых категорий¹ социальной философии, волновавших людей на протяжении существования человечества. Мыслители разных исторических периодов предпринимали попытки определить сущность, содержание, характер и значение справедливости, а также установить ее связь с правом.

Античные философы искали основы справедливости. Согласно воззрениям Гомера, справедливость имеет божественную природу и выступает единственным мерилом правового. Определенное требование, соответствующее представлениям о справедливости, становится общепринятым правилом поведения. В. С. Нерсисянц отмечает, что «право „гомеровского общества“ – это совокупность индивидуальных прав, освященных принципом справедливости (дике) и соответствующих сложившемуся обычаю (темис)»².

О соотношении справедливости и права рассуждал и Солон. Наибольший интерес представляют его изречения о необходимости во всем соблюдать «надлежащую меру». В концепции Солона «мера» является олицетворением справедливости как нравственной основы поступков человека и эталона для положений законодательства³.

Пифагор и его последователи продолжили поиски разумного устройства социальной и политической жизни людей. Они сформулировали ставший впоследствии распространенным тезис о том, что жизнь человека должна быть подчинена выводам философского разума о соразмерности и правилах взаимного общения. Пифагорейцам принадлежит и известное представление о справедливости как о воздаянии равным (добром – за добро, злом – за зло). В таком

¹ Термин «категория» (от греч. κατηγορία – высказывание) в философии обозначает фундаментальное понятие, используемое при построении теорий (см.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 251).

² Нерсисянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 13.

³ См.: Аристотель. Афинская политика. Государственное устройство афинян / пер. и прим. проф. С. И. Радцига. 2-е изд. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. С. 19–21.

определении усматривается не что иное, как древний принцип талиона «око за око, зуб за зуб». Вместе с тем пифагорейское определение отличает то, что под равенством здесь понимается не общий масштаб для неодинаковых явлений и процессов, а должное соответствие в каждом конкретном случае.

Исходя из пифагорейских этических взглядов, многообразие ситуаций человеческих общений диктует необходимость придерживаться разных видов справедливости. Причем понимание справедливости и вытекающий из него подобающий способ обращения зависят от особенностей взаимоотношений: родственной близости, возрастных, имущественных и иных различий между людьми. В разработке общего принципа справедливости, влияющего на все сферы общественной жизни, пифагорейцы главным образом акцентировали внимание на описанной Солоном «надлежащей мере». По их мнению, «мера», занимая вершину ценностной иерархии, наставляет человека, регулирует его поведение и дает ему соответствующую оценку.

Для Гераклита справедливость есть разумное начало (вечный логос), обуславливающее все сущее на земле. Именно из этого начала должен исходить и именно его должен выражать писанный закон. Мыслитель отмечает множество интерпретаций понятия справедливости. По его мнению, каждый человек, вкладывая нечто свое в содержание справедливости, не всегда формирует правильное представление о ней. Только при помощи разума можно познать всеобщую закономерность и истинную справедливость, соответствующую ее божественной природе и вечному логосу. Осознание факта субъективности восприятия справедливости позволило греческим софистам в дальнейшем обосновать вывод об относительности и изменчивости этой категории.

Демокрит в своем учении о государстве единственным критерием справедливости называл соответствие тех или иных явлений законам природы. «То, что считается справедливым, – отмечал мыслитель, – не есть справедливое; несправедливо же то, что противно природе»¹. В своем суждении Демокрит открыто критиковал содержание справедливости, искаженное непросвещенным «общим мнением». Действовавшие в государстве порядки и законы соответствовали «темному» познанию и шли вразрез с требованиями природы.

¹ Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 152.

Демокрит связывал справедливость с понятием долга. «Справедливость, – замечал он, – есть исполнение долга...»¹. Долг, по мнению философа, призван сдерживать человека от неблагоприятных (несправедливых) поступков. Надлежит вставать на защиту тех, кто несправедливо подвергается страданиям и унижению, или как минимум не способствовать этому.

К справедливости обращался мыслитель и в своих трудах, посвященных правителю. Согласно политическим воззрениям Демокрита, правитель только тогда достигнет высшей справедливости, когда распределение благ между гражданами будет осуществляться не равным образом, а соразмерно их заслугам. Демокритовский подход к политической справедливости получил дальнейшее углубление и всестороннюю разработку в творчестве Платона и Аристотеля.

В концепции Демокрита особое место отведено правовым аспектам. Закон он рассматривал в качестве необходимого средства принудительного воздействия на тех, кто вследствие своих умственных и нравственных недостатков не способен постигать добродетели. Преступление, по Демокриту, есть олицетворение зла, движущей силой которого является зависть. Этот порок и выступает тем неразумным и вредным своеволием, от которого закон призван оберегать людей. Наказание же должно основываться на писаном законе или устоявшемся правовом обычае, характеризоваться неотвратимостью и суровостью во имя всеобщего блага. «Должно, – подчеркивал Демокрит, – во что бы то ни стало убивать все, что приносит вред и попирает справедливость»². Освобождение преступника от наказания мыслитель определял как несправедливость. Безнаказанность же, согласно позиции Демокрита, должна иметь место в случае совершения преступления в отношении другого преступника. То есть дана оценка действий лица, находящегося в состоянии необходимой обороны.

Протагор, находя истоки справедливости в природе человека и человеческого общества, относил ее к человеческой добродетели и ставил в один ряд с мудростью, храбростью, рассудительностью и благочестием. Он настаивал на том, что меняются представления о справедливости, однако причастность человека к ней остается неизменной³.

¹ Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 158.

² Там же. С. 170.

³ См.: Нерсисянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 93–101.

Горгий в своей концепции отстаивал такие категории, как истина и справедливость. Указывая на условность характера, а также зависимость от определенной трактовки, софист¹ все же признавал их ценность: «Украшение... душе – мудрость, делу – добродетель, слову – истина»².

По мнению Горгия, следует рассматривать писанный закон и неписаную справедливость. Писанный закон – изобретение человека, искусственное образование, результат естественного развития общества. Писанный закон есть выражение неписаной справедливости как «божественного и всеобщего закона», «правоты сущности дел». Мыслитель не видел в писаном законе и неписаной справедливости существенных различий, однако в ценностном аспекте предпочтению отдавал последней.

В трактовке софиста Гиппия справедливость предстает как истинное естественное право – право свободного самоопределения человека в соответствии с требованиями природы. Справедливости противостоит ошибочное искусственное право – позитивный закон, обязывающий соблюдать условные нормы. Гиппий выступал против человеческих законов, обосновывая свою позицию их неустойчивостью, изменчивостью и зависимостью от мнений законодателей³.

Исходя из политического подхода Фрасимаха, справедливость в смысле величайшего из человеческих благ представляет собой некую иллюзию, не имеющую действительной реализации в реальной жизни. То, что считается справедливостью, есть не что иное, как интерес сильных мира сего. Позитивные законы, по Фрасимаху, не отражают каких-либо объективных нравственных установок; они являются выражением тех требований, которые выгодны господствующему классу. «Справедливость и справедливое, – отмечал Фрасимах, – в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнеешего, правителя...»⁴.

Дальнейшее развитие теории справедливости связано с именем Сократа. Фундамент его философских воззрений составляет идея

¹ Название «софист» происходит от древнегреческого слова «софос», что означает «мудрый».

² Цит. по: Маковельский А. Софисты. Вып. 1. Баку: Изд-е НКП АзССР, 1940. С. 35.

³ «Кто станет думать о законах и о подчинении им как о деле серьезном, когда нередко сами законодатели не одобряют их и переменяют?» (цит. по: Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 113).

⁴ Цит. по: Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 115.

о первостепенном значении знания. Являясь божественным по своей сути, оно доступно каждому человеку. Степень овладения знанием определяет уровень справедливости в жизни людей, общества, полиса.

Как и софисты, Сократ различал естественное право и позитивный закон. Особенность его воззрений состоит в том, что он не противопоставляет одно другому. И божественные, и человеческие установления исходят из требований справедливости. Причем справедливость является здесь не просто критерием законности; у Сократа справедливость и законность сливаются воедино. «Нежелание поступать несправедливо, – указывал мыслитель, – есть достаточное доказательство справедливости... я говорю: что законно, то справедливо»¹.

Философ отстаивал равенство как основу справедливости и полисного порядка. «Небо и землю, – подчеркивал Сократ, – богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную „порядком“... как много значит и меж богов, и меж людей равенство...»². Здесь мыслитель имеет в виду равенство по ценности человека, которая определяется не его силой и склонностью к насилию в целях достижения господства, а знаниями, умственными и нравственными достоинствами.

Особым статусом исследуемую категорию наделял Платон. Справедливость, по его мнению, есть прекрасное благо, обеспечивающее необходимый баланс в сочетании мудрости, мужества и рассудительности. Она играет определяющую роль в развитии общества и полиса. При этом, пытаясь установить происхождение справедливости, Платон приходит к заключению о наличии двух ее видов. Первая справедливость имеет божественное и природное начало, вторая создается людьми и существует в общественных нормах и правилах.

Большую роль, согласно платоновской философии, справедливость играет в политическом устройстве. Эта идея лежит в основании построения нормального государства как органического единства. Государственная справедливость обеспечивается реализацией общественно полезных функций, гармонизацией и равновесием социальных ролей. Она требует установления определенного порядка и иерархической соподчиненности и состоит в том, чтобы каждый

¹ Цит. по: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. С. 134.

² Цит. по: Нерсесянц В. С. Сократ. М.: Наука, 1977. С. 55–56.

человек занимался своим делом, «которое ему подобает» и «к которому у него есть способности»¹, и не вмешивался в дела других. Платон писал: «заниматься каждому своим делом – это, пожалуй, и будет справедливостью»², «чтобы никто не захватывал чужого и не лишался своего»³, «справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое»⁴. Согласно воззрениям мыслителя, справедливость заключается в соответствии человека своему назначению и занимаемому месту в обществе. Так, первые должны заниматься управлением государства, вторые – стоять на страже государственных интересов, третьим же надлежит смиренно подчиняться воле правителей⁵.

Осуществляя всестороннюю разработку модели идеального государственного устройства, Платон поднимал вопрос неразрывной связи полиса и законов. «Я вижу, – писал древнегреческий философ, – близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»⁶. При этом сам закон для Платона есть форма выражения справедливости, представления о которой зависят от объективной действительности и конкретных условий жизни людей.

Весомый вклад в познание аспектов справедливости внес Аристотель. Мыслитель делил справедливость в зависимости от источника возникновения на естественную и общественную. Естественная справедливость предопределяется природой и насыщается ею. Имея всеобъемлющий характер, она не требует формально-властного подтверждения. Общественная справедливость имеет социальные корни и представляет собой результат развития полиса. В этом виде справедливости Аристотель выделял два уровня.

¹ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. С. 171.

² Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. М.: АСТ, 1999. С. 205.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же.

⁵ Характеризуя учение Платона, В. Ф. Асмус отмечает: «Основным принципом идеального государственного устройства Платон считает справедливость. Каждому гражданину государства справедливость отводит особое занятие и особое положение. Господство справедливости сплавливает разнообразные и даже разнородные части государства в целое, запечатленное единством и гармонией» (Асмус В. Ф. Античная философия. М.: МГУ, 2005. С. 173–174).

⁶ Цит. по: Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 158.

Первый связан с соблюдением установленного в государстве закона как главного регулятора общественных отношений. «Поступающий справедливо в соответствии с требованиями закона, – подчеркивал философ, – достигнет совершенного достоинства»¹. Второй уровень общественной справедливости определяет взаимоотношения между людьми. Для Аристотеля поступить справедливо по отношению к другому человеку значит установить равенство обязательств².

Исходя из сферы воздействия, философ различал справедливость общую и специальную. Общая справедливость является величайшим из добродетелей. Отражая нравственные требования, она упорядочивает все формы жизни и придает правомерный вид всем без исключения общественным действиям и социальным отношениям. Общая справедливость дает понимание ценности полисного единства.

У специальной справедливости Аристотель выделял две формы – уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость проявляется при обмене вещей и назначении наказания. Все, что подлежит обмену, должно быть известным образом сравнимо. Обмен невозможен без равенства, а равенство – без соизмеримости. По мнению Аристотеля, справедливость есть середина между излишком и недостатком, ущербом и выгодой, преступлением и наказанием. Отход от такой середины есть неравенство, значит, несправедливость³.

Справедливость наказания, согласно подходу Аристотеля, заключается в его неотвратимости и применении меры, соразмерной нанесенному в результате совершения преступления ущербу. Судья же, восстанавливая равенство, выступает олицетворением

¹ Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4: Никомахова этика. М.: Мысль, 1984. С. 324.

² «Справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство (to ison). В самом деле, несправедливое – это неравное; когда люди наделяют себя хорошими вещами больше, а плохими меньше, то тут имеет место неравенство, и принято думать, что таким путем совершают несправедливость и подвергаются ей. Итак, если несправедливость сводится к неравенству, то очевидно, что справедливость и справедливое состоят в равенстве обязательств» (Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4: Никомахова этика. М.: Мысль, 1984. С. 324–325).

³ В «Этике» Аристотель пишет: «Справедливое равенство – это середина между „больше“ и „меньше“, а нажива и убыток – это „больше“ и „меньше“ в противоположных смыслах, т. е. больше блага и меньше зла – нажива, а наоборот – убыток. Серединой между тем и другим оказывается справедливое равенство» (Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4: Никомахова этика. М.: Мысль, 1984. С. 153).

справедливости. В «Этике» Аристотель отмечал: «...некоторые даже называют судей „посредниками“, полагая, что, найдя посредника, найдут и правосудие»¹.

Распределяющая справедливость представляет собой разделение благ и обязанностей между членами общества, которое может быть как равномерным, так и неравномерным, поскольку обосновывается необходимостью учета индивидуальных свойств и качеств личности (достоинств). Справедливость заключается в распределении почестей адекватно вкладу того или иного человека в общее дело. Такой вид справедливости не отличается универсальностью, ее содержание зависит от условий жизни людей, формы организации общества, существующих правовых норм и нравственных установлений².

Согласно аристотелевской трактовке право, олицетворяя справедливость, упорядочивает общественные отношения. «Понятие справедливости, – указывал Аристотель, – связано с представлением о государстве, так как право, служащее критерием справедливости, является регулирующей нормой политического общения»³. Причем в понимании мыслителя право как политическая справедливость выступает регулятором общения людей равных, а не находящихся в отношении «господин – раб». Справедливость есть равенство в отношении равных и неравенство в отношении неравных. Обратный подход оценивается как несправедливость.

В целом учение Аристотеля о справедливости представляет собой консолидацию предшествующих подходов. Так, софисты склонялись к субъективизации и релятивизации представлений о справедливости. Сократ и Платон, напротив, отстаивали объективный характер правовых явлений. В парадигме Аристотеля эти два аспекта объединяются ввиду понимания политической природы человека, трактуемой в качестве естественно-человеческого источника объективного характера меры справедливости в правовых отношениях.

¹ Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4: Никомахова этика. М.: Мысль, 1984. С. 153.

² «Дело в том, что распределительное право, с чем все согласны, должно учитывать известное достоинство, правда [«достоинством»], не все называют одно и то же, но сторонники демократии – свободу, сторонники олигархии – богатство, иные – благородное происхождение, а сторонники аристократии – добродетель» (Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4: Никомахова этика. М.: Мысль, 1984. С. 153).

³ Цит. по: Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. С. 208.

Эпикур развивал концепцию о справедливости как о договоре об общественно полезном в целях обеспечения свободы и безопасности людей¹. Критерий справедливости, согласно эпикуровским воззрениям, может применяться главным образом к людям и народам как к участникам договорных отношений.

Справедливость представляет собой исторически изменчивое явление, понимание которого зависит от специфики государственного устройства, условий жизни людей и трансформации социальных идеалов. Поступки человека, законы и т. п. в один период, в одном месте и при одних обстоятельствах оцениваются как справедливые, однако в другое время, в другом обществе и в других реалиях перестают быть таковыми². Мыслитель, признавая непостоянство этой категории, тем не менее утверждал, что «справедливость для всех одна и та же, потому что она есть нечто полезное в сношениях людей друг с другом»³. Для каждой эпохи характерно определенное содержание справедливости, однако неизменной ее составляющей (сущностью, сутью) является общее согласие о пользе.

В этике древнегреческих и древнеримских стоиков⁴ основанием наличия в общении людей справедливости является природная связь людей, т. е. соответствие естественных связей и отношений общему закону мироздания. Всеобщая и универсальная справедливость в учении стоиков и для государства, и для принимаемых им законов выполняет функцию нормативно значимого принципа, нормы, критерия.

¹ «Справедливость, происходящая от природы, есть договор о полезном – с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» (Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 217).

² «Из числа действий, признанных справедливыми, то, полезность которого подтверждается в потребностях взаимного общения людей, заключает в себе залог справедливости, будет ли оно одно и то же для всех или не одно и то же. А если кто издаст закон, но он не окажется идущим на пользу взаимного общения людей, то он уже не имеет природы справедливости. Даже если полезность, заключающаяся в справедливости, меняется (исчезает), но в течение некоторого времени бывает согласна с естественным представлением о справедливости, то в течение того времени она несколько не менее бывает справедливой в глазах тех, кто не смущает себя пустыми звуками (словами), а смотрит на факты» (Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 217–218).

³ Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 217.

⁴ Зенон основал в Афинах школу в колонном зале с расписными стенами (Stoa poikile – «пестрый зал»), получившую название стоической.

Цицерон под справедливостью понимал вечное и неизменное свойство природы. В учении философа природа предстает как космос, материальный и социокультурный мир, человеческое бытие как комплексное единство тела и души, индивидуального и всеобщего, личностного и общественного. Духовный аспект природы и является источником справедливости.

В соответствии с положениями Цицерона суть справедливости заключается в том, что «она воздает каждому свое и сохраняет равенство между ними»¹. При этом имеется в виду не имущественное, а правовое равенство. Справедливость Цицерона предполагает не вредить другим и не нарушать чужую собственность. «Первая задача справедливости, – писал он, – в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием; затем – в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной – как своей»².

Римские юристы отождествляли справедливость и право. Ульпиан писал: «Занимающемуся правом следует сначала выяснить, откуда пришло наименование права („ius“). Оно восходит к справедливости („iustitia“)»³. Саму справедливость он определял следующим образом: «Справедливость есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право. Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит. Справедливость есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом»⁴. В этом определении по большому счету речь идет о справедливости как основополагающей характеристике права. «По заслугам нас называли жрецами, – указывал Ульпиан, – ибо мы заботимся о справедливости, воздвигаем понятия добра и эквивалента, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой»⁵. Целью для определения справедливости права использует

¹ Цицерон М. Т. О государстве: О законах; О старости; О дружбе; Об обязанностях; Речи; Письма. М.: Мысль, 1999. С. 108–109.

² Там же. С. 304.

³ Дигесты Юстиниана. Т. I, кн. I. М.: Статут, 2002. С. 63.

⁴ Цит. по: Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2006. С. 534.

⁵ Цит. по: там же.

понятия «добро» («boni») и «эквивалент» («aequi»). Слово «эквивалент» не только по значению, но и по существу – это соответствие, соразмерность, адекватность.

Анализ концепций античных мыслителей о человеке, обществе и государстве свидетельствует о том, что справедливость рассматривалась как категория, имеющая многоаспектный характер. Согласно воззрениям великих мыслителей древности справедливость выступала в качестве универсального критерия разграничения поступков людей, их оценки с точки зрения благ и зол, полезности или вредности для всего общества или господствующих слоев. Как часть человеческой природы она обуславливала общественные отношения и устройство государства, закладывала фундамент для законов и права.

Философы Античности указывали на то, что содержание категории справедливости имеет исторический характер и определяется в зависимости от времени, места и особенностей общественного развития. Вместе с тем сущностью справедливости, постоянным и неизменным в ней, исходя из положений мыслителей, является соразмерность как идея, обеспечивающая разумное равновесие между добром и злом, правами и обязанностями личности, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием.

Зарождение христианства привело к теологическому пониманию рассматриваемой категории. Справедливость, по воззрениям христианских богословов, устанавливает Бог¹. Один из наиболее ярких представителей средневековой философской мысли Аврелий Августин в своих работах утверждал, что Господь формирует у человека чувство справедливости, позволяющей определить благородность и правильность поступков. «Зло, – писал философ, – любовь к себе, благо – любовь к Богу»².

¹ Дионисий Ареопагит в своем труде «О божественных именах» писал: «Бог воспевается как Справедливость – как всех по достоинству наделяющий, и благомерность, и красоту, и благочиние, и устройство, и все распределения, и порядки назначающий каждому в соответствии с поистине сущим справедливейшим пределом... все божественная справедливость учиняет и определяет, все сохраняя беспримесным, с другим не смешанным, и всем сущим каждому подобающее даруя, в соответствии с принадлежащим каждому из сущих достоинству». «Следует знать, – продолжал мыслитель, – что божественная справедливость потому и является поистине истинной справедливостью, что всем дает свойственное им, в соответствии с достоинством каждого из сущих, и природу каждого сохраняет согласно ее чину и силе» (Дионисий Ареопагит. О божественных именах; О мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1994. С. 263).

² Августин Аврелий. Творения: в 4 т. Т. 3: О Граде Божиим. Кн. I–XIII. СПб.: Алетеия; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 4. С. 57.

Аврелий Августин указывал на греховность существующего государственного устройства, которое заключается в господстве одного человека над другими. По его мнению, справедливое государство – это христианское государство, деятельность которого подчинена нормам христианской морали. В таком государстве Бог является высшим благом, а государственная власть – средством обеспечения порядка, справедливости и согласия между правителем и его подданными.

Мыслители раннего Средневековья Ансельм Кентерберийский и Пьер Абеляр раздвинули границы понимания справедливости. В своей работе Ансельм Кентерберийский отмечал, что справедливость проявляется в отношении воли и поступков отдельного человека. «Справедливость, – подчеркивал он, – есть правильность воли, сохраненная ради нее самой. К этому подходит и то, что о справедливых иногда говорится, что они правильны сердцем, т. е. правильны волей»¹.

Пьер Абеляр полагал, что для справедливости важны помыслы, побуждающие человека на поступки. Одни и те же деяния могут совершаться с умыслом как добрым, так и злым. «В самом деле, – замечал теолог, – Бог мерит не тем, что люди делают, а тем, с какой душой они могут делать нечто; и не в поступке, а в намерении поступающего состоит заслуга или подвиг...»². «Двое, к примеру, – продолжал он, – вешают одного преступника. Один движим ревностью к справедливости, а другой – застарелой вражеской ненавистью, и хотя совершается одно и то же деяние – повешение – и при всех обстоятельствах они совершают то, что благо, и то, чего требует справедливость, но из-за разницы намерения одно и то же делается разное: одно – со злом, другое – с благом»³.

Существенное влияние на развитие средневековой философии оказал Фома Аквинский (Аквинат). В своей концепции он развивал суждения античных мыслителей, опираясь при этом на религиозные основы. Под справедливостью богослов понимал одну из основных добродетелей (созданий свободной воли), которая проявляется в отношении человека к окружающим. Следуя воззрениям Ульпиана, Фома определял справедливость как неизменную волю, состоящую в предоставлении каждому своего, ему принадлежащего.

¹ Кентерберийский Ансельм. Сочинения. Об истине. М.: Канон, 1995. С. 193.

² Абеляр Пьер. Теологические трактаты. М.: Гнозис, 1995. С. 261.

³ Там же.

В целях достижения вселенского порядка, по мнению Аквината, необходим порядок справедливости, предполагающий существование не только хороших людей, но и грешников. Иначе отсутствовала бы гармония истории. Здесь «Бог является творцом зла как наказания, а не как вины»¹.

Главной задачей справедливого государства является создание таких условий, которые бы обеспечивали людям достойную жизнь. Выполнение этой задачи требует построения феодально-сословной иерархии, преимущественного положения господ, а также исключения вмешательства земледельцев, ремесленников и торговцев в политическую жизнь. Фома Аквинский считал, что Богом предписано повиноваться правителям².

С точки зрения Фомы Аквинского, право есть реализация справедливости в праведном порядке человеческого общения. Он выделял три вида права. Вечное право исходит от Бога и представляет собой совокупность божественных норм и принципов, лежащих в основании управления вселенной. Для богослова вечное право – это высшее справедливое право, ведущее людей к всеобщему благу. Оно содержится в Боге и, по сути, тождественно ему. От вечного права производно естественное право как совокупность правил, прошедших через сознание человека. Такой вид права имеет неизменный и разумный характер, познать его может лишь человек мыслящий. Нормы естественного права требуют стремиться к постижению истины (Бога) и уважению достоинства людей. Естественное право находит отражение в человеческом (позитивном) праве. Его положения сдерживают людей от зла и принуждают их к постижению добродетели. Добродетельные люди, по мнению Аквинского, не нуждаются в позитивных законах, им достаточно естественного закона. Однако для того чтобы обезопасить совершенного человека от людей порочных и неподдающихся наставлениям, необходим страх наказания. В отличие от естественного права, нормы человеческого права у разных народов различны.

Человеческие законы Фома Аквинский делил на справедливые и несправедливые. Справедливые человеческие законы должны отвечать требованиям естественного права, быть направлены на

¹ Цит. по: Боргош Ю. Фома Аквинский. М.: Мысль, 1975. С. 113.

² «Совершенство вселенной требует, чтобы в вещах присутствовало неравенство, дабы осуществились все степени совершенства» (цит. по: Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 133).

достижение общей пользы, подразумевать выполнимость предписаний, которые в них изложены, и равенство этих предписаний для всех людей, а также быть приняты в надлежащем порядке. Несправедливые законы в свою очередь классифицировались на два типа. Несправедливые законы первого типа – те, что не содержат формальных признаков закона, второго типа – те, которые идут вразрез с установлениями естественного и вечного закона.

Другой мыслитель эпохи Средневековья Марсилий Падуанский настаивал на том, что в справедливом государстве истинным носителем как светской, так и духовной власти выступает народ. Однако здесь имелись в виду не все жители государства, а лишь те из них, кто наиболее заслуживает выполнять эту важную задачу. Марсилий, будучи убежденным сторонником концепции неравенства, делил всех людей на два сословия. Первое, к коим относятся военные, представители духовенства, государственные деятели, служит во имя благосостояния целого населения; второе, в числе которых торговцы, земледельцы и ремесленники, озабочено исключительно личными потребностями и интересами.

Марсилий Падуанский указывал на наличие законов божественных и законов государственных. Божественные законы содержат правила, отход от которых влечет наказание в загробной жизни. Законы государства издаются достойнейшей его частью и включают в себя нормы, соблюдение которых гарантировано угрозой реального наказания. Они являются обязательными как для обычных жителей, так и для самих законодателей.

По мнению средневековых европейских юристов, справедливость выступает критерием, которым следует руководствоваться при столкновении правовых систем. Внутри самой правовой системы любая норма также должна быть оценена с позиции этой категории. Установление, не отвечающее требованиям справедливости, подлежит отмене¹.

¹ И. А. Покровский писал: «В юриспруденции Павийской школы рано образовалось убеждение, что для пополнения лангобардского права следует обращаться к римскому, что римское право есть общее право, *lex generalis omnium*. С другой стороны, романисты Равенны принимали во внимание право лангобардское» (см.: Покровский И. А. История римского права. Пг.: Изд-е Юрид. книж. склада «Право», 1918. С. 191–192).

Глоссаторы¹ проблему противоречий между справедливостью и позитивным правом решали в пользу последнего. И. А. Покровский по этому поводу отмечал, что «в противоположность прежней свободе обращения с позитивным правом и свободе судейского усмотрения, Болонская школа требовала, чтобы судья, отказавшись от своих субъективных представлений о справедливости, держался положительных норм закона, т. е. *Corpus Juris Civilis*. Уже Ирнерий (1065–1125) провозгласил, что в случае конфликта между *ius* и *aequitas* разрешение его принадлежит законодательной власти»².

Учение постглоссаторов³ представляет собой синтез позиций европейских юристов и глоссаторов. Их воззрения вновь были обращены к идеям естественного права как вечного права, нормы которого продиктованы самой природой. Признавая превосходство справедливости над позитивным правом, представители школы постглоссаторов вместе с тем подчеркивали необходимость установления соответствия между ними. По их мнению, положение закона, которое юрист сочтет противоречащим справедливости, просто не подлежит применению.

Средневековые философы, таким образом, вслед за мыслителями древности рассматривали справедливость с позиций всеобщности и адекватности. Вместе с тем сущность этой категории подвергалась в эпоху Средневековья исключительно теологическому истолкованию. Признавалась также тесная связь справедливости с правом. Неоценимым достижением средневековой философской мысли стали сформулированные Фомой Аквинским требования, которым должен соответствовать справедливый закон.

Обзор бытовавших в социально-философских парадигмах Античности и Средневековья воззрений показал, что справедливость всегда наделялась особым социальным статусом. Эта категория регулировала отношения между людьми, определяла вектор развития общества, составляла основу идеального государственного

¹ Представители школы глоссаторов уделяли основное внимание толкованию текста источников римского права. Переход от анализа правовых норм с точки зрения справедливости к исследованию позитивного права обусловлен деятельностью юристов из Болонского университета, основанного в конце XI века и ставшего в дальнейшем центром юридической мысли.

² Покровский И. А. История римского права. Пг.: Изд-е Юрид. книж. склада «Право», 1918. С. 194.

³ Постглоссаторы изучали римское право по комментариям глоссаторов. Они занимались разработкой общих правовых принципов, институтов и категорий, из которых выводились частные правовые положения, нормы и понятия.

устройства, определяла содержание права. Понимание справедливости не является вечным и неизменным. Оно зависимо от времени, особенностей общества, определенных обстоятельств и условий. Однако постоянным ее элементом выступает соразмерность как мера, позволяющая обеспечить разумное соотношение благ и зол, прав и обязанностей в совместной жизни людей в рамках одного социального пространства.

§ 2. Осмысление проблем справедливости в философии Нового и Новейшего времени

Формирование капиталистических отношений обусловило превалирование концепции буржуазного права, основанного на юридическом восприятии идеи справедливости. Предложенная основоположниками европейской философии права теория включает положение о справедливости как обязательном признаке права, отражающем требования разума.

По мнению Г. Гроция, «...право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом»¹. Согласно учению юриста, от природы человек наделен стремлением к взаимодействию с другими людьми по правилам (принципам) общежития. Эти принципы, в числе которых обязанность выполнять определенные требования, возмещать причиненный ущерб, претерпевать заслуженное наказание, и составляют основу естественного права. Сущностную характеристику этого вида права, исходя из воззрений Гроция, составляет также соразмерность при распределении между людьми благ с учетом достижений каждого.

Гроций подчеркивал необходимость отличать право (причем как естественное, так и позитивное) от его внешнего проявления и способов осуществления. Тезис о том, что человек соблюдает требования справедливости под страхом наказания, относится не к самому праву, а исключительно к тем предписаниям, которые должны обеспечивать его реализацию. По мнению Гроция, неверно полагать, что нормы права, не имеющие силовой поддержки, обречены

¹ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Госюриздат, 1956. С. 68.

на игнорирование. Воплощению в жизнь правовых установок способствуют и ненасильственные факторы, такие как совесть, общественное порицание и благоволение Бога.

С точки зрения исследуемой категории Гроций рассматривал вопросы войны. Справедливым поводом для развязывания войны, по его мнению, может быть только правонарушение. Справедливые войны – это те войны, которые направлены на отражение нападения, сохранение территориальной целостности государства, защиту населения от угнетения и притеснения. Несправедливые войны ведутся в целях порабощения народов, захвата новых территорий, завладения чужой собственностью. Такие войны противоречат естественному праву, божественному закону и человеческим установлениям. С точки зрения философа, принцип справедливости обязывает воюющие стороны придерживаться гуманного поведения в отношении отдельных категорий лиц (женщин, детей, стариков), соблюдать международные акты и соглашения о перемирии.

Фрэнсис Бэкон выделял справедливые и несправедливые законы. Справедливый закон противостоит насилию, содержит идеи правового равенства и всеобщей справедливости. Смысл его точен, а предписания легко выполнимы. Несправедливый закон имеет лишь формальные признаки закона. Он насаждает насилие и противоречит праву.

По мнению Бэкона, в гражданском обществе господствует либо закон, либо насилие. При этом насилие может принимать форму закона, а сам закон может больше говорить о насилии, чем о юридическом равенстве. Тем самым Бэкон выделяет три источника несправедливости: само насилие, прикрывающееся законом насилие, а также насилие самого закона.

В концепции Томаса Гоббса справедливость также трактуется в правовом аспекте. По его мнению, естественные законы, основанные на идеях справедливости, требуют от людей выполнения заключенных ими договоров, проявления милосердия и скромности, благодарности и признательности. Естественные законы неизменны и вечны, поскольку такие пороки, как несправедливость, равнодушие, лицемерие, трусость и другие, ни в одно время и ни в одном обществе не могут быть признаны правомерными.

Один из ярчайших представителей раннего Просвещения в Германии Готфрид Вильгельм Лейбниц справедливой формой правления считал просвещенную монархию, власть в которой действует по божественным и человеческим законам в целях достижения общего

блага и счастья каждого. «В этом отношении, – писал он, – нельзя было установить лучшего правила, чем закон, утверждающий, чтобы каждый участвовал в совершенстве универсума и своим собственным счастьем, соразмерным его добродетели и воодушевляющему его доброму стремлению к общему благу»¹.

Под естественным правом Лейбниц понимал справедливый порядок, состоящий из смысла, логики, требований и правил. Достигается такой порядок при помощи человеческого разума в установленной Богом гармонии мироздания. Источник естественного права, тем самым, – это осознание, свободное от убеждений, предрассудков и эмоций. Человеческий закон (позитивное право) должен соответствовать идеям справедливости и нормам естественного права².

В своей философско-правовой концепции Лейбниц использовал положения Аристотеля о видах справедливости. Он различал справедливость универсальную и партикулярную. Первый вид справедливости требует жить честно, а второй – воздавать каждому свое и никому не причинять зла. Далее партикулярную справедливость философ делил на распределяющую и уравнивающую. Распределяющая справедливость действует там, где необходимо оценить человека в соответствии с его достоинствами и заслугами. Уравнивающая справедливость проявляется при различии конкретных деяний людей. Выполнение предписаний партикулярной справедливости посредством человеческих законов является, согласно учению Лейбница, частичной реализацией принципа универсальной справедливости «жить честно». В полном объеме это требование может воплотиться в жизнь только в совершеннейшем государстве под управлением Бога, где все подчинено справедливости, где за добрым поступком следует поощрение, а за плохим – заслуженное наказание.

Шарль Луи Монтескьё, внесший весомый вклад в развитие философии права и государства, исследовал обстоятельства, определяющие справедливость норм позитивного права. В рамках этого анализа особое значение он придавал особенностям народа (их менталитету, нравам и обычаям), специфике государственного устройства (организации государственной власти, делению территории государства на части и т. д.), характеру природных условий местно-

¹ Цит. по: Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2006. С. 596.

² См.: Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 425.

сти (климату, близости к морю, горным и лесным массивам, рельефу и проч.). Правовед указывал на необходимость соблюдения системности законодательства, установления особых факторов принятия закона и формулирования конкретных законодательных целей.

В философско-правовой концепции Монтескьё большое внимание уделялось также технике составления справедливых законов. Началом законодательства, по мнению юриста, должна стать умеренность («дух умеренности должен быть духом законодателя»). Это достаточно абстрактное положение находит конкретизацию в ряде правил. Так, закон должен быть лаконичным, простым и понятным для всех людей. Следует отказаться от употребления в тексте многозначных слов. В законе должны быть обозначены понятия, точно выражающие мысль законодателя. Целесообразно воздерживаться от правовых тонкостей, недоступных большинству граждан. Для изменения, ограничения либо исключения закона нужны весомые аргументы. Мотивировка закона должна быть достойна закона¹. Не следует устанавливать запреты на действия, не представляющие опасности и не влекущие причинения вреда. «Законам, – писал Монтескьё, – должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания людской злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью»².

В теории Монтескьё справедливый закон, учитывающий географические, исторические, социальные, религиозные и другие условия, обстоятельства и факторы, составленный в соответствии с правилами законодательной техники, имеет объективно обусловленный, закономерный и разумный характер. Только такой закон, по мнению мыслителя, способен противостоять произволу в общественной и политической жизни.

Философскую разработку теории наказания с позиции восстановления социальной справедливости осуществил Иммануил Кант. Уголовное наказание, согласно воззрениям немецкого мыслителя, должно представлять собой причинение лицу страдания, адекватного совершенному им преступлению. При этом мера государственного принуждения не требует обоснования с точки зрения утилитарно-

¹ «Подобно тому, как бесполезные законы ослабляют действие необходимых законов, законы, от исполнения которых можно уклониться, ослабляют действие законодательства» (Монтескьё Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 652).

² Монтескьё Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 654.

сти. По мнению Канта, преступник «должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан»¹.

Сущность наказания составляет идея абсолютного равенства между деянием и воздаянием. К примеру, за убийство должна назначаться исключительно смертная казнь. Однако из этого правила Кант делает два исключения – в случае убийства матерью новорожденного внебрачного ребенка и убийства на дуэли. В остальных ситуациях справедливость безоговорочно требует смертной казни убийцы (известный кантовский тезис: «Пусть свершится справедливость, если даже погибнет мир»²). Допустим указанный вид наказания и за иные, в частности государственные, преступления.

Концепция справедливого наказания получила детализацию в творчестве Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. По мнению мыслителя, под наказанием следует понимать не расплату за совершенное деяние, а право самого преступника, вытекающее из его поведения. Гегель открыто критиковал позиции своих предшественников, в которых виновный предстает не в образе свободной личности, обладающей разумом, а исключительно в качестве объекта мести со стороны государства.

Субъект, по Гегелю, должен быть подвергнут мерам уголовного воздействия только за те деяния, которые охватывались его умыслом и целями. Отстаивая ответственность лишь за виновное причинение вреда, мыслитель выступал против наказания за случай (казус) и отрицал возможность объективного вменения.

Философ отвергал принцип талиона и настаивал на установлении между наказанием и преступлением «равенства по ценности». «В абсолютной связи с преступлением, – подчеркивал Гегель, – находится справедливость возмездия. Здесь мы имеем дело с абсолютной необходимостью, которая их связывает, ибо одно есть противоположное другого, одно – противоположная субсумция другого»³.

Наказание, по Гегелю, всецело зависит от преступного деяния: характера и степени общественной опасности, особенностей личности виновного и сопутствующих обстоятельств. При этом философ

¹ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 256.

² Та же. Т. 6. С. 299–300.

³ Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 313.

уточнял, что справедливость определения наказания, исходя из качественных и количественных показателей преступления, есть «не-что более позднее, чем субстанциальность¹ самого предмета», что необходимо учитывать «природу конечного»². В итоге, по утверждению Гегеля, описанное тождество позволит наказанию выступать в качестве «наказующей справедливости» и одной из форм справедливости в государстве³.

Согласно теории Ницше сущностью справедливости является идея неравенства, а главным элементом содержания правовой справедливости – принцип неравенства прав и обязанностей различных субъектов. Объем правовых притязаний индивидов зависит от того, составляют ли они аристократическую верхушку или же относятся к толпе, подчиняющейся «предводителям стада». Человек, свободный от служения элите, сам по себе не наделен ни правами, ни обязанностями, ни ответственностью.

Право, по Ницше, производно от воли к власти. Философ, критикуя трактовки естественного права, выступал против идеи свободы и равенства в социальных связях и обосновывал необходимость преимущества отдельных лиц. Для Ницше неравенство есть условие самого существования права. «Неправота, – отмечал он, – никогда не заключается в неравных правах, она заключается в притязании на „равные“ права»⁴.

Правами наделяется тот, кто одерживает победу в войне. «Победителю, – воспевал Ницше закон древних, – принадлежит побежденный с женой, детьми, всем имуществом. Сила дает первое право, и нет права, которое в своей основе не являлось бы присвоением, узурпацией, насилием»⁵. Положения о праве победителя, сословно-иерархическом правопорядке заключены в теорию подлинного естественного права. «Кастовый порядок, высший доминирующий закон, – указывал философ, – есть лишь санкция естественного порядка, естественной законности первого ранга, над которой не имеет власти никакой произвол, никакая „современная“ идея»⁶.

¹ Субстанция – первооснова, сущность всех вещей и явлений (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003. С. 777).

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 149.

³ Там же. 148, 152.

⁴ Ницше Ф. Антихрист. СПб.: Прометей, 1907. С. 141.

⁵ Ницше Ф. Собрание сочинений: Т. 1. М.: М. В. Ключин, 1900–1903. С. 172.

⁶ Ницше Ф. Антихрист. СПб.: Прометей, 1907. С. 138.

В концепции Константина Алексеевича Неволлина справедливость предстает в качестве проявления божественного начала в человеческом мире, где создатель проявляется и раскрывается посредством людей. Существа нравственные в своем постоянном культурно-историческом развитии постигают идею справедливости Бога и реализуют ее в разных сферах социальной жизни и в многообразных формах человеческого общения.

По своей природе люди находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. В этом взаимодействии справедливость есть «верность одного нравственного существа целому обществу (союзу) нравственных существ». Раскрывая свои представления о справедливости, Неволлин писал: «Праведным мы называем не только все то, что не противоречит свойству этого общения (с отрицательной стороны), но еще более то, что служит к сохранению и укреплению союза нравственных существ между собой (с положительной стороны); неправедным, напротив, называем все то, что ослабляет и разрушает этот всеобщий союз нравственных существ»¹.

Согласно философско-правовым воззрениям Бориса Николаевича Чичерина, справедливость есть исходное положение (общее разумное начало, естественное право), которым следует руководствоваться и в законодательной деятельности, и в процессе применения права. Справедливость есть система правил, складывающаяся под влиянием человеческого разума, служащая неким флагом для позитивного закона. Эта система и определяет содержание философии права.

Основу справедливости составляет равенство. «Справедливым, – писал Чичерин, – считается то, что одинаково прилагается ко всем. Это начало вытекает из самой природы человеческой личности: все люди суть разумно-свободные существа, все созданы по образу и подобию Божьему и, как таковые, равны между собою»². Равенство как сущность справедливости трактуется русским философом исключительно в контексте права (формально-юридическое, правовое равенство). Имущественное равенство, вместе с тем, приводит к нивелированию человеческой свободы, объединению капитала, произволу.

¹ Неволлин К. А. Энциклопедия законоведения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 41–42.

² Цит. по: Нерсисянц В. С. Философия права: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. С. 682.

Чичерин делил равенство на два вида: арифметическое и пропорциональное. Первый вид равенства, лежащий в основе уравнивающей справедливости, применим в сфере частного права, второй, составляющий суть распределяющей справедливости, действует в публичной области. При этом философ указывал, что сфера политики, сущность распределяющей справедливости не возвышается над людьми и их отношениями. Распределяющая справедливость, являющаяся, по мнению Чичерина, идеальным, высшим началом, основывается на уравнивающей справедливости с ее принципом свободы и самостоятельности личности. «Там, где государственное начало поглощает в себе частное или значительно преобладает над последним, – писал Чичерин, – это отношение может дойти до полного уничтожения гражданского равенства, с чем связано непризнание лица самостоятельным и свободным деятелем во внешнем мире. Это и есть точка зрения крепостного права»¹.

В этико-философской системе Владимира Сергеевича Соловьева справедливость определяется как важное духовное начало, наивысшая общечеловеческая ценность, пронизывающая все стороны жизни общества. Справедливость – абсолютная цель человека, ориентир жизненного пути. Она исходит от Бога и выступает основой нравственности. «Справедливость, – писал мыслитель, – есть, несомненно, понятие нравственного порядка»².

В концепции Соловьева справедливость предстает в образе юридической (отрицательной) справедливости, провозглашающей формальное правовое равенство, и подлинной (положительной) справедливости, устанавливающей «объективную форму Любви». Первый вид справедливости является рациональным принципом государства, а второй – законом нравственности.

Категория «справедливость» исследуется Соловьевым в нескольких аспектах. Во-первых, с позиции равенства. В этом смысле справедливость требует признания за каждым права на жизнь и благополучие. Мыслитель указывал, что это требование и есть выражение нравственного начала справедливости. Во-вторых, с точки зрения альтруизма. С этой стороны справедливость рассматривается как идея, основанная на принципах «никого не обижать» и «всем помогать». «Если я кого-нибудь действительно жалею, – подчеркивал

¹ Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. С. 103.

² Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 24.

Соловьев, – то я... не стану сам причинять ему страдание или вред, не буду обижать его, и... когда он независимо от меня подвергается страданию или обиде, я буду помогать ему»¹. Наконец, справедливость есть правда, нацеленная на утверждение законности и подчинение праву. По мнению Соловьева, высшая правда находит свое закрепление в Божественном законе. Соблюдение такого закона – безусловная нравственная обязанность. Реализация норм остальных законов – только с условием их соответствия этой правде («ибо подобает слушаться Бога более, нежели человеков»²).

Сущность справедливости, согласно Соловьеву, составляют категории «правда» и «жалость». Сопереживание, сочувствие людям, готовность оказать помощь каждому нуждающемуся – правда, а вытекающие из этих качеств поступки – справедливость. Если человек жалеет других так же, как и самого себя, он действует по правде и справедливости. Достижение справедливости возможно посредством всепрощения и милосердия. Справедливое устройство общества заключается в том, что одни дают ради Бога, а другие принимают ради Бога, проявляя свое нравственное достоинство и возвышаясь над насилием и произволом.

Значительный интерес представляют положения Соловьева о наказании. Для философа равное (симметричное) возмездие оказывается несовместимым с христианскими заповедями и моральными принципами. Справедливость как месть за совершенное деяние является бессмысленной, не имеющей выражения в действительности. Теория, в соответствии с которой вору надлежит в наказание самому оказаться обокраденным, виновный за увечье должен подвергаться такому же увечью и т. д., по мнению Соловьева, может найти поддержку лишь у полудиких народов или варварских племен, живущих по принципу «око за око, смерть за смерть».

Соловьев выступал против смертной казни. Этот вид наказания для философа представляет собой наивысшую степень зла. Смертная казнь бесчеловечна, с точки зрения нравственности она разрушает, развращает общество³. Сам по себе факт существования этого на-

¹ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 168.

² Там же. С. 189.

³ Подчеркивая безнравственность смертной казни, Соловьев писал: «Но вот страшное дело совершилось, человек превратил Другого в бездушную вещь. Допустим, что этому нельзя было помешать, допустим, что общество пока не виновато. Оно возмущается, негодует, и это хорошо: было бы очень печально, если бы оно оставалось равнодушным. Но, справедливо ужасаясь перед убийством, каким делом

казания свидетельствует о признании законности «убийства». Греховность смертной казни заключается в том, что человек присваивает себе полномочия Божьего суда. Происходит подмена абсолютного знания, божественной справедливости субъективным мнением о виновности или невиновности лица. «Преднамеренно и обдуманно вычеркивая этого человека из числа живых, – обращал внимание Соловьев, – общество заявляет: я знаю, что этот человек безусловно виновен в прошедшем, безусловно негоден в настоящем и безусловно неисправим в будущем. А так как на самом деле не только о будущей неисправимости этого человека, но и о его прошедшей виновности, хотя бы лишь фактической, обществу и его судебным органам ничего вполне достоверного неизвестно, что достаточно доказывается многими обнаруживающимися судебными ошибками, то не есть ли это явно нечестивое посягательство на пределы вечные и слепое безумие человеческой гордости, ставящей свое относительное знание и условную справедливость на место всевидящей правды Божественной. Или смертная казнь совсем не имеет никакого смысла, или она имеет смысл нечестивый»¹.

Проблема справедливости является центральной в творчестве Ивана Александровича Ильина. Это явление он рассматривал, прежде всего, во взаимодействии с понятиями добра, равенства (неравенства) и права.

Справедливость есть главная ценность, основное требование нравственности, жизненный идеал. Она регулирует отношения между людьми с точки зрения морали, выражая единство значимого и должного. Определяющим началом человека является его духовная составляющая: высокие нравственные качества, честность, порядочность, великодушие, благородные помыслы, направленные на добро, познание Бога и истины. Добро неразделимо от любви,

выразит оно свое чувство? – новым убийством. По какой же это логике повторение зла есть добро? Разве убийство возмутительно тем, что убит хороший человек? Он был, может быть, негодяем. Но возмутительно само действие воли, переступающей нравственный предел, возмутителен человек, говорящий другому: ты для меня ничто, я не признаю за тобой никакого значения, никакого права, даже права на существование, и доказывающий это на деле. Но ведь именно так и поступает общество относительно преступника, и притом без всяких смягчающих обстоятельств, без страсти, без порочных инстинктов, без душевного расстройства. Виновна, но заслуживает снисхождения фанатическая толпа, которая под влиянием безотчетного негодования убивает преступника на месте; но общество, которое делает это медленно, хладнокровно, отчетливо, не имеет извинения» (Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 92).

¹ Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 91.

духовности и справедливости. Оно является выражением Божественной воли. Дух – это живая личность, которая верит и любит, созерцает и творит. Дух несет ответственность перед Всевышним за свои воззрения и поступки¹.

Справедливость – ориентир в праве. С позиции Ильина ввиду человеческой индивидуальности справедливая правовая норма не может наделять субъектов равными правами и обязанностями. Происходит признание естественного неравенства людей, обусловленного их полом, возрастом, состоянием здоровья, умениями, навыками, талантами и другими характеристиками. Правовые притязания должны быть соразмерны особенностям личности в соответствии с принципом «кому больше дано, с того больше и взыщется». «На самом деле, – писал Ильин, – люди не равны от природы и не одинаковы ни телом, ни душою, ни духом. Они рождаются существами различного пола; они имеют от природы не одинаковый возраст, не равную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания... Они и духовно неодинаковы: все они – различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым правосознанием. Словом, они различны во всех отношениях. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ»².

Справедливость, по Ильину, не сводится к формальному равенству всех людей. Она, напротив, заключается в дифференциации (разделении) лиц, исходя из присущих им качеств. Однако, несмотря на различие по своим силам и способностям, люди, согласно теории правоведа, равны по своему «безусловному духовному» достоинству. Поэтому право требует поддержания такого равновесия, при кото-

¹ «Духовность требует, во-первых, внутреннего, нечувственного опыта, для которого все чувственное является лишь верным знаком или орудием; духовность требует, во-вторых, умения отличать нравящееся и приятное от объективно-достойного и совершенного (истинного, нравственного, художественного, справедливого, Божественного); духовность требует, в-третьих, чтобы чувство, помысел и воля человека предпочитали именно объективно-достойное и совершенное, к нему тянулись, его искали, его творили. Все это вместе придает человеку значение духовного существа; открывает ему духовное измерение вещей и деяний; и тем самым вводит его на тот уровень, в ту атмосферу, где живет, творится и сияет истинное искусство» (Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, кн. 1. М.: Рус. кн., 1996. С. 68).

² Ильин И. А. Поющее сердце: Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи 1914–1923; Поющее сердце: Книга тихих созерцаний. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 110.

ром каждый мог бы вести достойное существование. Ильин заключает, что «справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего»¹.

Советский и российский специалист в области философии права Владик Сумбатович Нерсисянц рассматривал категорию «справедливость» в контексте смертной казни. Согласно его концепции высшая мера наказания должна назначаться и применяться *только* за умышленное причинение смерти другому человеку. Убийство – это преступление, посягающее на высшую ценность. И этой ценности – человеческой жизни – эквивалента лишь другая жизнь.

По своей юридической природе смертная казнь за убийство представляет собой доказательство превосходства права и реализации принципа соразмерности между преступлением и наказанием. Соответствие высшей санкции исходному правовому запрету – запрету на лишение жизни – имеет первостепенное значение для всей системы права. Неприменение смертной казни за убийство – это не просто замена одного вида наказания другим, а нарушение принципа «равноценной правовой ответственности» в наиболее важном аспекте правового регулирования.

Как отмечал Нерсисянц, противники смертной казни обосновывают свою позицию, указывая на естественное право каждого человека на жизнь. Подобные аргументы, по его мнению, в этом вопросе неуместны, поскольку не только убийца, но и жертва имеет от природы «право только на свою, а не на чужую жизнь». При этом естественное право требует равного воздаяния за равное. «С этих естественно-правовых позиций... ясно, что смертная казнь за убийство, – подчеркивал философ, – это не произвольная выдумка общества и государства, а необходимое, справедливое и равноценное наказание за преступление против основного естественного права другого человека»².

Ссылка сторонников полной отмены смертной казни на возможность судебной ошибки отвергается философом доводом о выработанной мировой правовой культурой и практикой системой правовых

¹ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 94.

² Нерсисянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: НОРМА, 2006. С. 629–630.

средств, направленных на обеспечение надлежащего отправления правосудия и осуществление задач уголовного судопроизводства¹.

Кроме того, вероятность ошибки с трагическими последствиями, с точки зрения Нерсисянца, существует и в других областях деятельности человека (медицине, науке, технике и т. д.). «И везде, – писал мыслитель, – прогресс осуществляется не посредством капитуляции перед абстрактной возможностью ошибки и отказа из-за этого от общественно необходимой работы, а на путях поиска более надежных и совершенных средств и форм деятельности, препятствующих превращению абстрактной возможности ошибок в реальность»².

По мнению Нерсисянца, принцип правомерности смертной казни сохраняется и там, где по факту исключительная мера наказания не приводится в исполнение. Происходит лишь изменение состояния этого принципа – переход в так называемый «спящий» режим. «Отмена смертной казни, – акцентировал внимание мыслитель, – всегда будет оставаться правовым экспериментом (как бы долго он ни длился), в процессе которого будет проверяться, может ли соответствующий правопорядок нормально функционировать при допущенном отходе от основного принципа права и требования равноценной правовой ответственности. Если да – эксперимент будет продолжаться, если нет – у общества всегда сохраняется право в законном порядке восстановить смертную казнь за... убийство»³.

Таким образом, в философии Нового и Новейшего времени справедливость – это важное духовное начало, наивысшая общечеловеческая ценность, пронизывающая все стороны жизни общества. Справедливость предстает в учениях мыслителей в качестве абсолютной цели человека, ориентира жизненного пути. Она регулирует отношения между людьми с точки зрения морали, выражая единство значимого и должного.

Философы обозначенного периода подчеркивали важнейшее значение справедливости при формировании общественного сознания, гражданского общества и права. Справедливость есть исход-

¹ К числу подобных правовых средств Нерсисянец относил, в частности, принцип презумпции невиновности, толкование сомнений в пользу обвиняемого и подсудимого, необходимость соблюдения процессуальных форм и правил объективного следствия и суда, надлежащую правовую культуру и профессиональную квалификацию служителей правосудия, суд присяжных, институт помилования.

² Нерсисянец В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2006. С. 631.

³ Там же.

ное положение (общее разумное начало, естественное право), которым следует руководствоваться и в законодательной деятельности, и в процессе применения права. Это система правил, складывающаяся под влиянием человеческого разума, служащая неким флагом для позитивного закона. Весьма ценными для понимания современных процессов являются теория справедливой войны (Гроций), положения о социальной обусловленности законов и правила законодательной техники (Монтескьё), теории наказаний (Кант, Гегель, Соловьев), философско-правовое обоснование необходимости применения смертной казни (Нерсесянц).

* * *

Итак, подведем итоги первой главы. Справедливость представляет собой пронизывающее широкую сферу жизнедеятельности людей социальное явление, которое возникает, существует и изменяется на определенном этапе развития конкретного общества. Как понятие нравственности справедливость выступает в качестве критерия оценки деятельности людей сквозь призму общественных интересов, выражающего соотношение установленных явлений и процессов с позиции разделения добра и зла.

В самом широком понимании справедливость является одной из центральных социально-философских категорий, отражающих исторические, социально-экономические, политические и правовые условия существования общества и государства, а также тенденции их развития. Она раскрывает основы построения отдельных общественных институтов.

Справедливость относится к числу вечных фундаментальных ценностей, призванных обеспечивать защиту личности, ее прав и интересов, порядок и стабильность в государстве. В этом аспекте правильнее подразумевать категорию «социальная справедливость», а не понятие «справедливость», менее отражающее предельно широкий спектр и многостороннее содержание существенного признака данного явления.

Справедливость – один из ориентиров в формировании права, а соразмерность (адекватность) – основной элемент содержания справедливости и права. Именно идея соразмерности лежит в основе политической справедливости у Демокрита, специальной распределяющей справедливости у Аристотеля, справедливости права у римских юристов, партикулярной распределяющей спра-

ведливости у Лейбница, пропорционального равенства у Чичерина, дифференциации людей у Ильина, справедливого наказания у Нерсесянца.

Справедливость требует соразмерности между правами и обязанностями личности, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием. При этом установление соразмерности может привести как к равенству, так и к неравенству. С одной стороны, справедливым является то, что одинаково, равно для всех. Во взаимоотношениях людей требование равенства – это требование естественного права, вытекающее из человеческой природы. С другой стороны, поскольку люди не равны между собой по физическим и интеллектуальным способностям, имущественному и социальному положению и т. д., применять требования равенства к неравным в буквальном смысле слова людям несправедливо. Правовые требования тем самым должны быть соразмерны индивидуальным особенностям человека.

ГЛАВА 2

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Отражение идеи справедливости в уголовно-правовых взглядах теоретиков дореволюционного периода

Первым в истории российской юриспруденции научным трудом, в котором изложены основные начала уголовного права, признан Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1766 г.¹ В документе рассматривались наиболее серьезные политические проблемы государственной организации и общественного устройства, обозначались направления правовой и внутренней политики Российского государства. Значительная часть текста заимствована из западноевропейских источников, прежде всего трактатов Шарля Монтескьё «О духе законов» и Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях».

Наказ формулировал ключевые положения, отражающие идею справедливости в уголовном праве. К таковым в современном понимании относятся задачи уголовного закона², цели наказания³, а также принципы законности⁴, соответствия норм уголовного закона естественному праву⁵, дифференциации ответственности⁶, соразмер-

¹ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 161.

² «Вообще стараться должно о истреблении преступлений, а наипаче тех, кои более людям вреда наносят» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 66).

³ «Намерение установленных наказаний не то чтоб мучить тварь чувствами одаренную; они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виновному, дабы он вперед не мог вредить обществу, и чтоб отвратить сограждан от соделания подобных преступлений» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 59).

⁴ «Не принадлежит никому, кроме одних законов, определять наказание преступлением: и что право давать законы о наказаниях имеет только один законодатель...» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 37).

⁵ «Ибо законы весьма сходственные с естеством суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которых они учреждены» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 2).

⁶ «Наказания, чинимые за оные, должны быть производимы из особенного каждому преступлению рода свойства» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 15).

ности деяния и его уголовно-правовой оценки¹, неотвратимости наказания², экономии мер уголовно-правовой репрессии³, гуманизма⁴.

Идея справедливости прослеживается в политико-правовых взглядах автора Наказа также посредством классификации преступлений по объекту посягательства⁵, определения особенностей назначения наказания за приготовление к преступлению и покушение на преступление⁶, ответственности соучастников преступления⁷.

Немаловажное значение с точки зрения проявления справедливости имеют обозначенные в документе критерии криминализации, т. е. отнесения деяний к разряду преступных и наказуемых. Среди них общественная опасность деяния⁸, учет соотношения преступлений и иных правонарушений⁹, преступлений и аморальных поступков¹.

¹ «Ради чего надлежит быть уравниению между преступлением и наказанием» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 67).

² «Самое надежнейшее обуздание от преступлений есть не строгость наказания, но когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 66).

³ «Испытайте со вниманием вину всех послаблений, увидите, что она происходит от ненаказания преступлений, а не от умеренности наказаний» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 20).

⁴ «Страны и времена, в которых казни были самые лютейшие в употреблении, суть те, в которых содевались беззакония самые бесчеловечные» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 60).

⁵ «Преступления разделяются на четыре рода. Первого рода преступления против закона или веры. Второго против нравов. Третьего против тишины и спокойствия. Четвертого против безопасности граждан» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 15).

⁶ «Хотя законы не могут наказывать намерения, однако ж нельзя сказать, чтобы действие, которым начинается преступление и которое изъявляет волю, стремящуюся произвести самим делом то преступление, не заслуживало наказания, хотя меньшего нежели какое установлено на преступление уже исполненное» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 57).

⁷ «Также надобно наложить наказания не столь великие сообщникам в беззаконии, которые не суть непосредственными оного исполнителями, как самим настоящим исполнителям» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 58).

⁸ «Ничего не должно запрещать законами кроме того, что может быть вредно или каждому особенно или всему обществу» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 9).

⁹ «Чего для не надобно смешивать великого нарушения законов с простым нару-

Важную роль в совершенствовании теоретических начал уголовного права сыграли труды представителей классической научной школы XVIII–XIX вв. Так, С. Е. Десницкий в работах 1768–1770 гг. различал аморальные поступки («нравственно недопустимые») и преступные деяния, влекущие наказание («неправду уголовную»), анализировал природу и цели наказания (выступал за его «умеренность»)².

И. М. Наумов в труде «Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного» 1813 г. утверждал, что в каждом конкретном случае необходимо устанавливать мотив, побудивший на совершение преступления (зависть³, месть⁴, корысть⁵), и учитывать его при назначении наказания. Автор представил и категоризацию преступлений. К первой группе он отнес преступления против собственности («присвоение себе преимуществ, другому принадлежащих»), ко второй – против личности («увечье личности», «отнятие самой жизни»)⁶.

И. Е. Нейман в сочинении «Начальные основания уголовного права» 1814 г. настаивал на соответствии наказания совершенному преступлению⁷. Он определял основания и условия освобождения

шением установленного благочиния: их вещей в одном ряду ставить не должно» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 145).

¹ «Не все политические пороки суть пороки моральные, и не все пороки моральные суть политические пороки» (Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. С. 12).

² См., например: Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции... М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. 51 с.; Его же. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным... М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1770. 26 с.

³ «Зависть действует до того, пока завидующий не увидит себя в лучшем состоянии против того, кому он завидует. Движение сей страсти не содержит в себе покушения на жизнь: она стремится только на понижение благосостояния другого» (Наумов И. М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб.: В Мед. тип., 1813. С. 15–16).

⁴ «Мщение... заключаась или в лишении имущества, или в понижении чести, или в отнятии самой жизни, есть страсть, не имеющая в себе меры для достижения своей цели» (Наумов И. М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб.: В Мед. тип., 1813. С. 16).

⁵ «Желание... дозволяет себе и само убийство, только бы через оное получить корысть» (Наумов И. М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб.: В Мед. тип., 1813. С. 16).

⁶ См.: Наумов И. М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб.: В Мед. тип., 1813. С. 15.

⁷ «Наказания должны быть соразмерны с преступлениями, но поскольку нельзя достигнуть совершенной в том соразмерности, то и надлежит определить наказания

от уголовной ответственности¹, раскрывал особенности назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии², а также за неоконченное преступление³, формулировал перечень обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание («уменьшающих или увеличивающих степень наказания»). К первым автор относил, в частности, неосторожность, малолетство, старость, слабоумие, болезнь и другие, а ко вторым – особую жестокость при совершении преступления, наступление тяжких последствий, совершение преступления в состоянии опьянения и т. д.⁴

В сочинении «Право естественное» 1818 г. А. П. Куницын выделял две формы вины: «злой умысел» («если виновник деяния противозаконного предполагал оное как цель и не был к тому побуждаем посторонними причинами») и «неосмотрительность» («если человек в полном употреблении разума решился произвести такое действие, из которого произошло нарушение права без его намерения»). В свою очередь неосмотрительность подразделялась на невежество как «недостаток сведений» и заблуждение как «ложное сведение». По мнению автора, деяние, совершенное без цели нарушить чье-либо право, «менее виновно, нежели учиненное по злому умыслу»⁵.

А. П. Куницын – один из первых русских юристов, выступавших против уголовной наказуемости обнаружения умысла. Он писал:

более или менее тяжкие, смотря по важности преступлений или, другими словами, по степени, в которой они нарушают общую безопасность» (Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1814. С. 42).

¹ От наказания освобождались «те, от воли которых по личному их состоянию не зависело совершить или не совершить преступление», «те, от воли которых во время совершения преступления по внешним причинам не зависело совершить или не совершить оное» (Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1814. С. 21–41).

² «И сообщников в преступлении должно наказывать... однако деянием сообщника безопасность нарушается в меньшей степени, нежели действительным исполнителем преступления, а по сему и надлежит за соучастие в преступлении наказывать менее, нежели за действительное совершение оного» (Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1814. С. 65–66).

³ За покушение на преступление «наказания... должны быть менее определенных за самое исполнение преступлений, ибо сими последними безопасность нарушается в большей степени» (Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1814. С. 61).

⁴ См.: Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1814. С. 52–53.

⁵ См.: Куницын А. П. Право естественное. Книга первая. Часть I. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1818. С. 46.

«Одно помышление, за которым еще не последовало никакого вредного для других действия, не дает властителю права употреблять за оное наказание; ибо права других нарушают не помышления, а дела»¹. В своей работе правовед также обозначал такое обстоятельство совершения преступления, как психологическое принуждение².

Г. И. Солнцев в «Курсе Общей части российского уголовного права» 1820 г. не просто указывал на необходимую оборону как на обстоятельство, устраняющее преступность деяния и не влекущее, соответственно, наказание, но и раскрывал условия ее правомерности. Во-первых, вред может быть причинен только посягающему («чтобы такая оборона была предпринимаема против злодея»). Во-вторых, нападение должно быть реальным и общественно опасным («чтобы она была следствием действительной опасности»). В-третьих, допускается причинение вреда исключительно после того, как были предприняты все необходимые меры по устранению опасности («чтобы наперед были предпринимаемы легчайшие средства, могущие отвратить опасность»)³.

В своей работе Г. И. Солнцев акцентировал внимание на зависимости «усиления» или «уменьшения» наказания от объективных и субъективных факторов. Например, к субъективным обстоятельствам, усиливающим наказание, относились высокий образовательный уровень виновного, его принадлежность к высшему сословию, проявление хитрости, степень жестокости, нераскаянность и др.⁴

Л. А. Цветаев в труде «Начертание теории уголовных законов» 1825 г. раскрывал содержание вины как обязательного признака состава преступления. Составными элементами психического от-

¹ Куницын А. П. Право естественное. Книга вторая. Часть III. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1818. С. 100.

² «Если деяние не могло произойти иначе как по причине психологического принуждения, то по мере содействия онога нарушение права более или менее вменяется» (Куницын А. П. Право естественное. Книга первая. Часть I. СПб.: В тип. Иос. Иоаннесова, 1818. С. 42–43).

³ См.: Солнцев Г. И. Российское уголовное право... Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 70.

⁴ Так, рассуждая о влиянии умственного развития преступника на назначение наказания, Г. И. Солнцев писал: «Чем образованнейший человек впадает в преступление, тем более предполагается свобода в его действиях; а как он... мог бы обдумать гораздо лучше то деяние, к которому стремилась его воля... то, поелику действовало в нем сильное стремление воли к противозаконному деянию, и вина его увеличивается, а затем и степень наказания за оную должна быть усилена» (Солнцев Г. И. Российское уголовное право... Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 174–175).

ношения лица к совершенному деянию, на его взгляд, выступают «воля и разум». Исходя из этого, автор заключал, что малолетние, невменяемые, а также лица, причинившие вред невиновно либо в результате исполнения приказа, «не должны почитаться виновными»¹.

Назначение наказания, адекватного преступлению, и есть, по мнению Л. А. Цветаева, сущность права. «Уголовные законы, – отмечал правовед, – имеют целью преследование преступлений, а преследование их состоит в том, чтобы каждый преступник по делам своим получил воздаяние, т. е. соразмерное наказание: и так два суть главные предметы уголовных законов: преступления и наказания»².

Л. А. Цветаев был сторонником смертной казни. Однако он выделял основания ее легитимности. Так, высшая мера наказания может назначаться только за особо опасные преступления; при назначении смертной казни должна быть исключена вероятность судебной ошибки, а при ее применении не допустимы мучения и терзания преступника³.

Интересными с точки зрения проявления идеи справедливости являются уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов. В частности, А. И. Герцен в своих работах формулировал положения о субъективной ответственности. В письме «К старому товарищу» 1869 г. он решительным образом выступал против объективного вменения. «Мы изменяем основным началам нашего воззрения, осуждая целые сословия, – писал А. И. Герцен, – и в то же время отвергая уголовную ответственность отдельного лица»⁴.

В книге «Былое и думы» А. И. Герцен настаивал на том, что назначать наказание тем, кто был вынужден совершить преступление под воздействием внешних обстоятельств, несправедливо. Он указывал: «Мстить всем обществом преступнику мерзко и глупо... целым собором делать безопасно и хладнокровно столько же злодейства над преступником, сколько он сделал, подвергаясь опасности и под влиянием страсти, отвратительно и бесполезно...»⁵.

А. И. Герцен ратовал за применение справедливых и гуманных наказаний и подвергал острому осуждению смертную казнь, телес-

¹ См.: Цветаев Л. А. Начертание теории уголовных законов. М.: В Универ. тип., 1825. С. 13.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 46.

⁴ Цит. по: Литературное наследство. Герцен и Огарев. Т. 61. М.: Академия наук СССР, 1953. С. 163.

⁵ Герцен А. И. Былое и думы. Л.: Гослитиздат, 1946. С. 634.

ные и другие жестокие и позорящие виды наказания, которые, по его мнению, приводят в конечном итоге к отрицательным последствиям и способствуют не сокращению, а, напротив, росту преступности. Кроме того, телесные наказания, как считал А. И. Герцен, разрушают человеческое достоинство.

Аналогичной позиции придерживался и революционер-демократ В. Г. Белинский. В своих трудах он активно выступал против жестоких наказаний, которые, по его мнению, не только не предупреждают совершение новых преступлений, но и вовсе наносят непоправимый вред обществу¹.

Революционный демократ Н. Г. Чернышевский в вопросах о наказании и его целях тоже отстаивал четкую позицию непримиримой борьбы за справедливость. Так, в 1862 г., возмущившись вторичным рассмотрением дела профессора истории А. П. Шапова, арестованного в апреле 1861 г., освобожденного в августе 1861 г. и в декабре того же года вновь подвергнутого «вразумлению и увещанию в монастыре», Н. Г. Чернышевский восстал против вопиющего нарушения «коренного принципа всего уголовного права, говорящего, что один проступок не может подвергаться двум наказаниям»².

Кроме того, Н. Г. Чернышевский резко отрицательно высказывался относительно применения уголовных наказаний к действиям, не являющимся преступными. В рецензии на статью Протасьева «Предположение об устройстве крестьян Сапожковского уезда Рязанской губернии» 1859 г. он раскритиковал предложение автора статьи отдавать крестьян в солдаты с конфискацией имущества за неуплату налогов³.

О справедливости наказания рассуждали многие российские правоведы. Так, в «Курсе русского уголовного права» 1867 г. А. В. Лохвицкий утверждал, что наказание, связанное с ограничением или лишением прав осужденного, должно обладать способностью «увеличиваться при увеличении вины», свойствами делимости и, в определенных случаях, отмены, а также «ограничиваться одной лишь личностью виновного». Справедливое наказание не оказывает негативного влияния на физическую, духовную и нравственную состав-

¹ См.: Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. XI. Петроград: Типо-лит. А. Э. Винеке, 1917. С. 158.

² Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. XIV. М.: Гослитиздат, 1949. С. 447–448.

³ См.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. V. М.: Гослитиздат, 1950. С. 876.

ляющую преступника («наказание не должно деморализовать»¹), а его основу составляют принципы равенства и индивидуализации¹.

А. В. Лохвицкий различал преступления «в отношении нарушения закона справедливости и в отношении общественного спокойствия». Наказание, определяемое автором как «оборотная сторона медали для преступления», разделяется «по количеству и качеству страдания». С точки зрения российского юриста, количество видов наказания должно соответствовать количеству видов преступления. «Иначе, – подчеркивал А. В. Лохвицкий, – пришлось бы за преступления, весьма различные по степени безнравственности и по степени опасности для общества, давать одно и то же наказание. Но это значило бы нарушить верховный закон справедливости...»².

По мнению А. В. Лохвицкого, наказание должно быть соразмерно не только «степени опасности для общества» преступления, но и степени «безнравственности преступников»³. В частности, следует принимать во внимание как обстоятельства, характеризующие личность виновного до совершения преступления, так и его постпреступное поведение⁴.

Л. Е. Владимиров в «Учебнике русского уголовного права» 1889 г. подчеркивал, что справедливое наказание должно соответствовать «индивидуальной виновности» и учитывать все особенности конкретного случая⁵. По мнению автора, необходимо, чтобы наказание приводило к исправлению преступника. Оно достигается путем изоляции его от общества, религиозного просвещения, привлечения к трудовой деятельности, а также принуждения к возмещению материального вреда, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления⁶.

Сама же справедливость рассматривалась Л. Е. Владимировым с двух позиций: правоведов и общества. Как цель уголовного правосудия эта идея, с точки зрения «строгих юристов», реализуется через применение «карательного закона» с использованием средств, обеспечивающих принципы и общие условия уголовного судопроиз-

¹ См.: Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. С. 49.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 49, 166.

⁴ «Существует множество других обстоятельств, лежащих частью в преступнике, то есть в степени его безнравственности, частью, в том, что условливало преступление в прошлом его поведении, в способе действия после преступления, – это кладет большое различие между двумя лицами, совершившими одинаковые преступления» (Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. С. 124).

⁵ См.: Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Харьков: Изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889. С. 8.

⁶ Там же.

водства. «Общественной совестью» справедливость воспринимается как нравственная категория, проникающая в основание, содержание карательного закона, а также «в жизненную правду приводимых виновником оправданий»¹.

И. Я. Фойницкий в труде «Учение о наказании в связи с тюремоведением» 1889 г. обозначал требования, предъявляемые к справедливому наказанию. В частности, оно должно обладать свойствами гибкости и делимости (принцип индивидуализации наказания), применяться только к лицу, совершившему преступление (принцип личной ответственности), а также соответствовать «как объективной тяжести посягательства, так и субъективной виновности» (принцип соразмерности, адекватности наказания)². Цель этой государственной меры автор видел в устранении причин и условий преступности.

В учебнике по общей части уголовного права, датированном 1891 г., А. Ф. Кистяковский формулировал положение о необходимости соответствия уголовного закона сложившимся или складывающимся общественным отношениям. Уголовно-правовые нормы, как указывал правовед, должны отражать представления народа (в данный период его развития) о правовом и преступном. «Большая часть уголовных законов, – писал он, – запрещает не то, что угодно законодателю, а то, что считается преступлением по мнению не только всего народа, но и целой семьи народов, стоящих на одной и той же ступени цивилизации»³.

А. Ф. Кистяковский определял аспекты принципа личной ответственности. Первый, по его мнению, заключается в том, что субъектом преступления может быть только человек («и притом рассматриваемый как лицо физическое»). Согласно второму лицо несет ответственность лишь за те деяния, которые были совершены им лично⁴.

Ученый, кроме того, выделял состояние «уменьшенной вменяемости». Оно не исключает вменяемости, однако должно быть учтено в качестве обстоятельства, смягчающего наказание⁵.

¹ Владимиров Л. Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1903. С. 34.

² См.: Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. С. 66.

³ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая. Киев: В Унив. тип., 1891. С. 408.

⁴ Там же. С. 267, 274.

⁵ См.: Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая. Киев: В Унив. тип., 1891. С. 325.

А. А. Пионтовский в работе «Об условном осуждении и системе испытания» 1894 г. подчеркивал особую роль индивидуализации наказания. По его мнению, лежащее в основе индивидуализации неравенство, которое заключается в применении к преступникам разных мер наказания, «несмотря на кажущееся тождество их деяний», «необходимо в интересах целесообразной постановки дела борьбы с преступностью»¹.

В книге «Наказание, его цели и предположения» 1902 г. С. П. Мокринский утверждал, что в основе наказания должна лежать идея справедливости. «К запросам, предъявляемым к наказанию со стороны нравственных начал, – отмечал автор, – тесно примыкают требования *во имя справедливости*², игнорировать которую в праве уголовном было бы мыслимо только при условии исключения ее из права вообще»³. По мнению автора, справедливое наказание должно иметь в основании и опираться на «твердо установленный нравственный критерий оценки личности наказываемого или им содеянного»⁴.

Г. Е. Колоколов в своем научном изыскании, вышедшем в свет в 1905 г., указывал на то, что наказание в первую очередь должно обладать признаком неизбежности. Основная цель уголовно-правового воздействия заключается, с точки зрения правоведа, в сдерживании от учинения самовольной расправы над лицами, совершившими преступления («в устранении или, по крайней мере, в ограничении частной мести»), общей и частной превенции («в так называемом общем предупреждении преступлений», «в устранении опасности, угрожающей обществу от лиц, которые уже совершили известное преступление»)⁵.

С. В. Познышев в сочинении «Основные начала науки уголовного права» 1907 г. формулировал принцип справедливости наказания. По его мнению, наказание представляет собой правовое последствие, определяемое не только объективной стороной неправды, но и психическим отношением лица к совершенному деянию. Автор подчеркивал, что этот признак лежит в основе разграничения уголовного наказания от последствий нарушения норм гражданского права.

¹ См.: Пионтовский А. А. Об условном осуждении и системе испытания. Одесса: Типо-лит. Штаба Одес. воен. окр., 1894. С. 131.

² Курсив наш. – И. Н.

³ Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. М.: Унив. тип., 1902. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Колоколов Г. Е. Уголовное право. Общая часть. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1905. С. 543.

Гражданско-правовые последствия соразмеряются, с точки зрения правоведа, только с внешней стороной правонарушения, а именно с размером причиненного имущественного ущерба. Другим признаком, отличающим наказание от гражданско-правовых последствий, является, как считал С. В. Познышев, личный характер¹.

С. В. Познышев указывал на несостоятельность принципа уравнивания преступления и наказания. По его мнению, законодатель должен закрепить общую норму, предоставляющую судье право выйти за установленные санкцией пределы наказания². Кроме того, юрист обозначал позицию, согласно которой уголовное законодательство должно предусмотреть право суда смягчить наказание до низшего предела в случае, если преступление совершено вследствие негативных социальных явлений или условий существования, которые виновный не смог побороть по «слабохарактерности или недостатку развития»³.

Весьма прогрессивными представляются взгляды С. В. Познышева на стадии совершения преступления. В частности, он настаивал на том, что приготовление к преступлению не должно быть наказуемо ввиду отсутствия объективизации умысла («можно готовиться к тому, чего не решишься выполнить»). Вместе с тем если приготовительные действия по своему характеру уже сами по себе причиняют вред охраняемым законом благам, интересам и ценностям, то тогда, по мнению правоведа, они влекут наказание, поскольку оцениваются как самостоятельные преступления⁴. С. В. Познышев выделял оконченное и неоконченное покушение. Оконченное покушение состоит в том, что виновный выполнил все действия, которые он считал необходимыми для наступления желаемого преступного результата. Неоконченное покушение имеет место в случае, когда лицо по каким-либо причинам прекращает начатую им преступную

¹ «Со смертью приговоренного к нему лица уголовное наказание безусловно погашается и ни в коем случае не переходит на наследников» (Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М.: Univ. тип., 1907. С. 25).

² «Только тогда окажется возможным в должной мере индивидуализировать наказание» (Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М.: Univ. тип., 1912. С. 610).

³ См.: Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М.: Univ. тип., 1912. С. 635.

⁴ Там же. С. 345.

деятельность¹. Такое разделение, с точки зрения теоретика, имеет важное значение при установлении наказания. Он отмечал, что «...в покушении первого вида мы имеем перед собой решимость совершить преступление, поборовшую все препятствия, а во втором решимость, в отношении которой всегда допустимо сомнение, что она не устояла бы перед всеми препятствиями»². И далее заключал, что «покушение неоконченное... должно быть обложено в законе смягченной ответственностью»³.

По мнению С. В. Познышева, масштаб уголовной ответственности зависит также от причин, побуждающих совершить преступление. Он выделял три группы мотивов: альтруистические, выражающие стремление служить обществу; эгоистические – желание получить выгоду для себя; антиальтруистические, к коим относятся чувства, вызывающие решимость причинить вред обществу (различного рода низменные побуждения)⁴.

Существенный вклад в развитие идеи справедливости в уголовном праве внесли выдающиеся представители дореволюционной российской науки Н. Д. Сергеевский и Н. С. Таганцев. В работе «Русское уголовное право» 1900 г. Н. Д. Сергеевский излагал принципы наказания, среди которых, в частности, личная ответственность («должно, по возможности, падать только на личность преступника, не задевая лиц, так или иначе с ним связанных»), равенство («размер его должен зависеть исключительно от свойств самого преступного деяния, а не от личного положения преступника; пред лицом уголовного правосудия все должны быть равны»), адекватность («соразмерно родам и видам преступных деяний»), индивидуализация («необходимо, чтобы размер наказания можно было свободно изменять, соответственно особенностям данного конкретного случая»), своевременность («выражается в том, чтобы, с одной стороны, всякое наказание следовало немедленно за совершением преступного деяния, а с другой – в том, чтобы само наказание не растягивалось, по возможности, во времени»), гуманизм («возможное сокращение страданий преступника»), целесообразность

¹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М.: Унив. тип., 1912. С. 360.

² Там же. С. 361.

³ Там же. С. 363.

⁴ Там же. С. 307.

(«государство должно приспособлять наказание к известным полезностям или добрым целям, сообразно условиям места и времени»)¹.

По мнению Н. Д. Сергеевского, определяя наказание за преступные деяния, право всегда руководствуется принципом соразмерности: за преступления с более высокой степенью общественной опасности предусмотрено более суровое наказание и наоборот. При этом автор подчеркивал, что степень опасности преступления определяется в каждую конкретную эпоху и законодателем, и господствующем в обществе правосознанием с учетом объективного и субъективного критериев. «Каждая эпоха, – писал Н. Д. Сергеевский, – выдвигает свои критерии; сообразно этому и сравнительная тяжесть преступных деяний, выражающаяся в размерах полагаемых за них наказаний, постоянно изменяется в истории. Но основное начало соразмерности наказаний по их тяжести с важностью преступных деяний остается всегда и везде неизменно господствующим. В пределах соразмерности, установление и организация карательных мер по содержанию, а равно и определение размеров наказания за отдельные преступные деяния, слагаются весьма различно в исторической жизни народов, подчиняясь влиянию многочисленных и многообразных факторов или условий – политических, этических, экономических»².

Объективный критерий, с точки зрения Н. Д. Сергеевского, выводится из размеров причиненного деянием или грозящего его причинением вреда, а субъективный – из признаков, характеризующих личность преступника («вредность или опасность его для общества»). Весьма ценным для современной уголовно-правовой доктрины является его утверждение о том, что принцип соразмерности «не имеет ничего общего с равенством наказаний, о котором говорят теории возмездия: наказание, соответствующее по размерам преступному деянию, не есть вовсе ему равное»³.

Н. С. Таганцев в своих научных трудах обозначал позиции, которые в полной мере согласуются с современными представлениями о справедливости в уголовном праве. Правовед давал формально-

¹ См.: Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. С. 89–90.

² Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. Исследование. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1887. С. 2.

³ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. С. 105.

материальное определение преступления¹, анализировал состав преступления² и раскрывал отдельные его признаки³, формулировал определение понятия «вменяемость»⁴, разграничивал виды аффекта⁵. Идеями справедливости пронизаны взгляды Н. С. Таганцева на этапы преступной деятельности, соучастие в преступлении и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Актуальными остаются его принципиальные подходы к исключительной наказуемости приготовительных действий за наиболее тяжкие преступления и ограничению соучастия в преступлении от прикосновенности к преступлению⁶.

По мнению Н. С. Таганцева, законодатель определяет максимум тех мер («стеснений и кар»), которые могут быть применимы за совершение конкретного преступления. Тем самым происходит огра-

¹ «Преступное деяние будет нарушением или неисполнением норм, т. е. приказов и запретов авторитетной воли, определяющих и направляющих деятельность людей в общегитии» (Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I-II. СПб., 1902. С. 36). «Посягательство на норму права в ее реальном бытии есть посягательство на правоохраненный интерес жизни, на правовое благо... Преступное деяние, хотя и имеет своим непосредственным объектом конкретное благо, но сущность его не исчерпывается вредом и опасностью, причиняемыми этому благу, а, по преимуществу, заключается в противодействии, оказываемом им господству права в государстве» (Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I-II. СПб., 1902. С. 47).

² «Как посягательство на норму права в ее реальном бытии, на правоохраненный интерес жизни, преступное деяние является известным жизненным отношением, возникающим между посягающим и предметом посягательства, совмещающим в себе своеобразные черты или признаки, на основании коих оно входит в группу юридических отношений вообще и, при том, занимае в этой группе самостоятельное место как уголовно наказуемая неправда. Совокупность этих характеристических признаков деяния в науке уголовного права... называют составом преступного деяния...» (Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I-II. СПб., 1902. С. 366).

³ Например, рассматривая объективную сторону состава преступления, Н. С. Таганцев писал: «Преступная деятельность предполагает... телесное действие, возбуждение наших двигательных нервов и вызванное этим сокращение мускулов, а затем известное изменение внешнего окружающего нас мира, т. е. предполагает действие и последствие. Самая деятельность человека, непосредственно вызывающая это последствие, может быть осуществлена разнообразными средствами» (Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I-II. СПб., 1902. С. 636).

⁴ «Субъектами преступного деяния могут быть только лица... обладающие способностью сознавать совершаемое и его результаты и способностью оценивать не только физическое, но и нравственное и правовое значение деяния и руководствоваться сознанием или общим образом, обладающие способностью сознательно определяться к действию» (Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I-II. СПб., 1902. С. 410–411).

⁵ «Необходимо принять такое начало, что если обыкновенные, так сказать, физиологические аффекты не устраняют вменяемости, а могут только влиять на меру ответственности, то аффекты... получающие характер патологических, устраняют вменяемость...» (Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I-II. СПб., 1902. С. 471).

⁶ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. СПб., 1902.

ничество судейского усмотрения с представлением гарантии каждому подсудимому («виновный не может подвергнуться иному наказанию, кроме того, которое установлено авторитетной властью законодателя, или в размерах, превышающих размер, законом определенный»¹).

При назначении наказания, как указывал Н. С. Таганцев, суду надлежит учитывать пол, возраст, состояние здоровья и другие особенности личности виновного. Видам наказания, не способным обеспечить индивидуализацию, нет места в уголовном законе. Важную роль при определении ответственности следует отводить и условиям жизни подсудимого. Такое уголовно-правовое исследование позволяет, согласно учению правоведа, разграничить преступников случайных, совершивших деяние по стечению обстоятельств, от привычных преступников, чей жизненный уклад связан с противоправной деятельностью².

Н. С. Таганцев затрагивал также проблему эвтаназии. В частности, он выделял привилегированный вид убийства – убийство по мотиву сострадания. Просьба потерпевшего причинить ему смерть, с точки зрения юриста, не устраняет преступность деяния, однако существенным образом влияет на смягчение ответственности: «...нельзя поставить на одну доску с убийцей из корысти илимести... доктора, прекратившего мучительную агонию умирающего...»³.

Таким образом, справедливость впервые стала рассматриваться теоретиками в качестве ориентира российского уголовного законодательства во второй половине XVIII в. Значительное влияние на формирование и развитие этой идеи в уголовном праве оказали представители классической научной школы. Принцип справедливости не являлся самостоятельным предметом исследования в науке уголовного права, вместе с тем лежал в основании взглядов ученых относительно различных уголовно-правовых вопросов.

§ 2. Понимание справедливости в советской и современной науке уголовного права

Становление советской юридической науки ознаменовалось трансформацией большинства правовых категорий, а также интенсивной разработкой теорий и концепций, соответствующих марксистско-

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. I–II. СПб., 1902. С. 144.

² Там же. С. 1305.

³ Там же. С. 497.

ленинскому мировоззрению. Опубликованные после Октябрьской революции 1917 г. научные труды стали отражением политического (классового) подхода к определению основных проблем уголовного права и предопределили новое понимание основополагающей идеи справедливости.

В период зарождения социалистической уголовно-правовой теории правоведа обосновывали позицию о необходимости аналогии в уголовном праве¹. В частности, в статье «Революционная законность, прокуратура, адвокатура» Я. Н. Бранденбургский писал, что на данном историческом этапе законодатель не может предусмотреть всех возможных вариантов преступного поведения, посягающего на советский строй².

Сторонником аналогии был и А. А. Пионтковский. По его мнению, аналогия позволяет правоприменителю отказаться от искусственного расширительного толкования, идущего вразрез с сущностью уголовного закона. «Допустимость аналогии нашим законодательством, – подчеркивал А. А. Пионтковский, – оказывает общепредупредительное воздействие на тех социально опасных лиц, которые пытались бы совершение явно общественно опасных действий прикрыть формальными соображениями об отсутствии в их действиях состава преступления...»³.

А. Н. Трайнин указывал, что аналогия представляет собой способ, применяющийся для устранения существующих в законе пробелов. Отмечалось также, что в будущем неизбежно произойдет расширение пределов этого явления⁴. М. А. Чельцов-Бебутов рассматривал аналогию в качестве института, имеющего долгосрочные перспективы⁵.

¹ В докладе о проекте УК на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 26–30 января 1922 г. Н. А. Черлунчакевич назвал аналогию «одним из основных принципов» («Материалы НКЮ», 1922, вып. 16–17. С. 17).

² См.: Бранденбургский Я. Н. Революционная законность, прокуратура, адвокатура // Советское право. 1922. № 2. С. 4–5.

³ Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 279–280.

⁴ «В будущем праве, бесспорно, компетенция судьи будет еще шире, и в соответствии с этим определения закона будут носить еще более общий характер» (Трайнин А. Н. Уголовное право. Общая часть. М.: Изд-во 1-го Моск. госуд. ун-та, 1929 (Типо-лит. им. т. Воровского). С. 101).

⁵ «Введение аналогии вполне оправдывается социалистическим правосознанием... Если видеть в обществе (в идеалах) трудовое единство, определяющееся общей верховной целью, то «падает» понятие об уголовном кодексе как хартии свободы отдельной личности. Общее благо – общий закон, который должен быть понятен и близок каждому. Всякое же вредоносное деяние, препятствующее прогрессу, есть

С точки зрения Н. В. Крыленко, суд должен быть наделен правом признавать преступлением и деяние, ответственность за которое законом прямо не предусмотрена. Необходимо главным образом установить пределы реализации этого права, а также решить вопрос о контроле за «правотворчеством суда»¹.

Следует признать, что у аналогии были и противники. К примеру, П. И. Люблинский характеризовал аналогию как вынужденную временную меру, сопряженную с нарушением законности². Позднее ряд правоведов настаивали на исключении аналогии из законодательства, ссылаясь на несовместимость этого явления с Конституцией СССР и принципом стабильности законов³.

В первые годы советской власти правоведы осуществляли также разработку проблем, связанных с уголовной ответственностью и ее основаниями. Так, М. Ю. Козловский в статье «Пролетарская революция и уголовное право» 1919 г. указывал на то, что вид и размер наказания зависят исключительно от объективного вреда, причиненного действиями преступника, а основная цель мер уголовно-правового воздействия заключается в обеспечении классового интереса. На страницах научного изыскания правоведа прослеживается и отказ от важнейшего положения уголовного права – принципа субъективной ответственности.

М. Ю. Козловский настаивал на том, что советский законодатель в деле защиты социального строя не должен принимать во внимание количество лиц, участвовавших в совершении преступления.

преступление» (Чельцов-Бебутов М. А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. С. 67–68).

¹ Крыленко Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 83.

² См.: Люблинский П. И. Применение уголовного закона по аналогии // Право и жизнь. 1924. Кн. 1. С. 40–50.

³ По справедливому замечанию В. Н. Кудрявцева, «аналогия была введена в наше уголовное законодательство в определенный исторический период. В условиях первых лет строительства Советского государства допущение аналогии было исторически неизбежным и политически необходимым. Переход к новой экономической политике – время, когда был принят первый Уголовный кодекс, – создавал новые формы классовой борьбы со стороны буржуазных элементов общества, эти формы борьбы не могли быть заранее предусмотрены уголовным законом. Кроме того, отсутствовал опыт уголовно-правовой борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми отдельными неустойчивыми элементами из среды трудящихся. Это и вызвало необходимость введения аналогии в уголовное законодательство» (Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1978. С. 36).

Ответственность исполнителей, подстрекателей, пособников и прикосновенных лиц, исходя из его воззрений, не подлежит дифференциации¹.

Я. Берман в статье «К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства», также вышедшей в 1919 г., обозначал позицию, согласно которой в основу определения мер ответственности должен быть положен критерий социальной опасности личности². Более того, он настаивал на отказе от принципа адекватности наказания совершенному преступлению³.

В дальнейшем подход Я. Бермана к основанию уголовной ответственности получил в советской науке уголовного права весьма широкое распространение. Так, в 1922 г. М. М. Гродзинский тоже доказывал, что при назначении наказания следует учитывать в первую очередь асоциальные установки правонарушителя⁴. Из подобных взглядов исходили и создатели проектов Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁵

Выступая в 1935 г. с проектом Уголовного кодекса без Особенной части, Н. В. Крыленко утверждал, что основу уголовного закона составляет не принцип справедливости, а идея «социальной опасно-

¹ «Нашу работу в области карательной будет направлять не буржуазная лицемерная, индивидуальная «гуманность», а классовый интерес...» (Козловский М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. М.: Гос. изд-во, 1919. С. 236, 238–239).

² «В соответствии с основами социалистической мысли в уголовном праве должно быть бесспорным, что оценка опасности преступного деяния зависит не от характера или рода преступного действия, а от характера субъекта преступления, преступника» (Берман Я. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2. С. 43–44).

³ См.: Берман Я. К вопросу об Уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2–4 (12–14). С. 43.

⁴ См.: Гродзинский М. Элементы кары и социальной защиты в системе наказаний УССР // Вестник советской юстиции. 1922. № 1. С. 12–20.

⁵ «Лицо, опасное для существующего порядка общественных отношений, подлежит наказанию по настоящему кодексу... необходимость наказания отпадает с устранением опасности для общества со стороны правонарушителя, будет ли это вызвано изменением уклада общественных отношений, истечением времени или фактическим изменением настроения правонарушителя» (Проект Уголовного Кодекса для Р.С.Ф.С.Р. // Пролетарская революция и право. 1920. № 1. С. 44). «При выборе рода и меры репрессии суды руководствуются прежде всего степенью опасности преступника для общества, т. е. установленной судом степенью вероятности совершения преступником новых правонарушений (так называемым опасным или антисоциальным состоянием его)» (Проект Общей части Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. // Пролетарская революция и право. 1921. № 15. С. 90).

сти преступника»¹. Интересен тот факт, что двумя годами позднее Н. В. Крыленко заявлял об ошибочности высказанных им ранее взглядов и признавал такие основополагающие категории советского уголовного права, как вина, ответственность и наказание².

Следует отметить, что ряд представителей советской науки уголовного права подвергали резкой критике теорию опасного состояния личности и высказывались категорически против ее проникновения в советскую уголовно-правовую доктрину. Подобного рода положения, по их мнению, попирают основные начала уголовного права – принципы справедливости и законности³.

Противоречащую современным представлениям о справедливости позицию высказывали некоторые теоретики уголовного права относительно учений о предварительной преступной деятельности. К примеру, С. П. Мокринский в статье «Покушение и приготовление в советском праве» 1927 г. отмечал, что понятия «приготовление» и «покушение» в целом потеряли свое значение, так как степень подготовленности преступления и близость наступления его последствий подлежат свободной оценке суда⁴.

Нельзя также обойти вниманием неприемлемые сегодня положения по вопросам соучастия, высказанные А. Я. Вышинским в 1949 г. В работе «Вопросы теории государства и права» автор обозначал позицию, которая на практике позволяла привлекать к уголовной ответственности за соучастие в государственных преступлениях лиц, в действительности их не совершавших. А. Я. Вышинский отрицал необходимость установления между соучастниками соглашения, направленного на совершение преступления, считал излишним определение причинной связи между действиями пособника или подстрекателя и исполнителя. Кроме того, теоретик допускал возможность ответственности за неосторожное подстрекательство к со-

¹ См.: Крыленко Н. В. Проект Уголовного кодекса СССР. 1935 г. // Советское государство. 1935. № 1–2. С. 96.

² См.: Крыленко Н. В. Проблемы социалистического права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С. 23.

³ Так, И. В. Славин писал: «...введение в наш Уголовный кодекс этой теории явилось бы противоречащим классовым интересам пролетариата и, кроме того, в условиях стремления рабоче-крестьянской власти к установлению законности было бы чрезвычайно опасным и вредным для самой идеи законности» (Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (К теории опасного состояния) // Ежемесячник советской юстиции. 1922. № 8. С. 2).

⁴ См.: Мокринский С. П. Покушение и приготовление в советском праве // Советское право. 1927. № 1. С. 56–81.

вершению преступления¹. По сути, «это было одно из тех положений, которые легко могли оправдать объективное вменение»².

С 50-х гг. представления о справедливости в теории уголовного права меняются. Так, в 1954–1955 гг. ученые признали, что единственным основанием уголовной ответственности является наличие в деянии лица состава преступления, установленного статьей уголовного закона³. Именно такая позиция была отражена в учебниках по общей части советского уголовного права.

С 60-х гг. теоретики стали формулировать положения, составляющие основу советского уголовного права. Так, П. С. Дагель в своей кандидатской диссертации определял перечень принципов советского уголовного права⁴. Г. Б. Виттенберг и Н. И. Загородников предлагали систему принципов, состоящую из двух групп. В первую авторы включали общие принципы (законность, гуманизм, демократизм и др.), являющиеся базовыми для всех отраслей права, в частности и для уголовного права, во вторую – отраслевые (специальные) принципы, присущие в основном отрасли уголовного права (личной ответственности, предупреждения преступлений, индивидуализации ответственности и проч.)⁵.

Далее советские ученые предпринимали попытки выявить сущность базовых уголовно-правовых идей. Ю. А. Демидов, к примеру,

¹ См.: Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М.: Госюриздат, 1949. С. 117–118.

² Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1978. С. 108.

³ См.: Советское государство и право. 1954. № 5, 6, 7; Советское государство и право. 1955. № 1, 2.

⁴ Система принципов советского уголовного права, по мнению П. С. Дагеля, выглядит следующим образом: 1) принцип охраны общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств; 2) принцип социалистической законности; 3) принцип социалистического гуманизма; 4) принцип предупреждения преступлений; 5) принцип сочетания мер уголовного наказания и мер общественного воздействия в борьбе с преступностью; 6) принцип наказуемости общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом; 7) принцип личной ответственности; 8) принцип целесообразности наказания; 9) принцип социалистического правосознания; 10) принцип индивидуализации наказания; 11) принцип неотвратимости наказания (см.: Дагель П. С. Роль уголовной репрессии в период развернутого строительства коммунизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962. С. 11).

⁵ См.: Виттенберг Г. Б. Развитие основных принципов уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4. С. 88–95; Загородников Н. И. Принципы советского социалистического права // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 65–74.

отмечал, что принципы уголовного права предназначены отражать прочные связи, устанавливающие зависимость между преступлением и уголовно-правовым воздействием¹.

Близкую позицию обозначал П. А. Фефелов. По мнению правоведа, уголовно-правовые принципы характеризуются как руководящие начала, определяющие содержание права и получающие объективизацию в нем. Эти идеи способствуют обнаружению связи преступления и наказания; они помогают разобраться в политической и юридической сути правовых норм и институтов. Будучи выработанными в результате обобщения практики борьбы с преступностью, принципы уголовного права призваны придать законодательной и правоприменительной деятельности адресный характер².

Исследуемую категорию автор упоминал в контексте справедливого наказания, обеспечиваемого реализацией принципов неотвратимости и индивидуализации наказания, адекватности и экономии репрессии³. Учет характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного,отягчающих и смягчающих обстоятельств позволяет при полном и своевременном раскрытии преступления назначить виновному справедливое наказание⁴.

Н. А. Беляев в монографии «Уголовно-правовая политика и пути ее реализации», опубликованной в середине 80-х гг., рассматривал категорию «справедливость» в качестве гаранта воспитательного воздействия уголовного закона и актов правоприменения на лицо, совершившее преступление. «Закон, – писал он, – устанавливающий суровое наказание за деяние, не причиняющее существенного вреда, или приговор, присуждающий к длительному лишению свободы человека, вина которого незначительна, могут утешить, могут даже в этом смысле и исправить виновного, но они никого не могут перевоспитать. Естественно, что это относится и к законам, устанавливающим несоразмерно мягкое наказание за опасное

¹ См.: Демидов Ю. А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права // Правоведение. 1968. № 2. С. 80.

² См.: Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1970. С. 22.

³ В работе «Понятие и система принципов советского уголовного права» 1970 г. П. А. Фефелов пришел к выводу о наличии двух важнейших принципов уголовного права, характеризующих эту отрасль в целом: неотвратимость и индивидуализация наказания. К числу специфических принципов уголовного права автор относил соответствие наказания тяжести совершенного преступления и экономии репрессии (см.: Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. С. 15).

⁴ Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. С. 51.

преступление, а также к приговорам, присуждающим к незначительным мерам наказания при наличии серьезной вины, с той разницей, что они и не устрашают, и не воспитывают»¹.

В 1988 г. в свет вышла работа С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева, специально посвященная принципам советского уголовного права. В ней авторы раскрыли генезис уголовно-правовых принципов, показали их связь с типом государства и этапами развития политической системы, определили соотношение с правовыми нормами, а также обозначили перспективы дальнейшего совершенствования законодательства.

По мнению С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева, принципы, отражая превалирующие в данный исторический период позиции по вопросам уголовного права, формулируют требования, обязательные для всех субъектов правоотношений. Признавая невозможность избежать известной степени субъективизма при определении перечня уголовно-правовых принципов, правоведы вместе с тем указывали на то, что таковыми признаются отправные начала, имеющие в объективной действительности решающее значение. Группировка принципов осуществляется вокруг категорий «преступление» и «наказание».

На страницах своего научного труда С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев также рассуждали о необходимости закрепления принципов уголовного права в законе. Авторы выделяли как положительные, так и отрицательные аспекты этого вопроса. С одной стороны, «факт законодательного закрепления придает правовой идее, взгляду, представлению иную социальную сущность, превращает их в факторы регулирующего воздействия»². С другой стороны, включение принципов права в виде статей уголовного кодекса «неизбежно связано с... определенным обеднением соответствующих уголовно-правовых идей»³.

Что касается принципа социальной справедливости, то, по мнению С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева, его законодательная формулировка сможет отразить только один уровень проявления – назначение наказания. Другие важные элементы содержания этой фундаментальной идеи выйдут за рамки отрасли уголовного права⁴. При этом сами правоведы определяли как минимум три направле-

¹ Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 51.

² Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 28.

³ Там же. С. 33.

⁴ Такой подход как раз и наблюдается в действующем УК РФ 1996 г. (примечание автора).

ния реализации принципа справедливости: помимо назначения наказания, также конструирование санкций уголовно-правовых норм и криминализация (декриминализация)¹.

Советские юристы также устанавливали зависимость представлений о справедливости от исторического этапа развития общества и принадлежности человека к определенной социальной группе. «Чем более однородно общество, — указывали С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, — тем более близкие по своему содержанию оценки социальных явлений и поступков формируются у членов этого общества, и, напротив, в обществе, состоящем из классов с противоположными, антагонистическими интересами, преобладает противоположное понимание справедливости тех или иных социальных явлений и отдельных человеческих поступков»².

Правоведами обозначалась тесная связь справедливости с принципами равенства перед законом и гуманизма. В советском уголовном праве индивидуализация наказания как требование справедливости позволяла побороть формализм, присущий принципу юридического равенства. «Реальное осуществление принципа справедливости, — писали С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, — дает возможность добиться более полного фактического равенства граждан в сфере уголовного правосудия, а именно соответствия между тяжестью его общественно опасного деяния, данными о личности и т. д. и примененной к виновному мерой уголовно-правового воздействия»³.

Справедливость ответственности, с точки зрения ученых, предполагает также, что мера, назначаемая и применяемая к лицу, совершившему преступление, не имеет своей целью причинение страданий или унижение человеческого достоинства. В этом смыс-

¹ «Справедливым может быть признано такое наказание, вид и размер которого строго соответствуют тяжести совершенного преступления, личности осужденного, всем объективным и субъективным обстоятельствам данного конкретного случая... Справедливой может быть признана такая санкция, которая не только соответствует тяжести описанного в законе преступного деяния, но и согласуется также с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений, и, кроме того, дает суду возможность индивидуализировать наказание с учетом всех возможных вариантов совершения преступления в реальной действительности... при криминализации (и декриминализации) того или иного деяния законодатель должен учитывать нравственные, этические представления граждан о справедливости и несправедливости определенных поступков» (Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 134–135).

² Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 132–133.

³ Там же. С. 137–138.

ле проявляется соотношение принципа справедливости с принципом гуманизма.

Одним из критериев справедливой реакции государства на совершение преступления, по мнению С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева, является степень вины. Обстоятельства субъективного свойства оказывают значительное влияние на вид и размер наказания. Вместе с тем авторы, ссылаясь на руководящие разъяснения Верховного Суда СССР, отмечали, что типичная ошибка судов, ведущая к назначению несправедливого наказания, «заключается в переоценке значения тяжести наступивших последствий при неосторожном поведении виновного»¹.

Особую роль при назначении справедливого наказания С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев отводили учету причин противоправного деяния. Ими была определена обратная зависимость меры ответственности от степени воздействия внешних условий: «Чем менее был связан человек непосредственной конкретной обстановкой, в которой он действовал, чем менее вынужденным с этой точки зрения был его поступок, тем выше степень его вины и ответственности»².

Обращают на себя внимание и сформулированные С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцевым приоритетные направления развития принципа справедливости в уголовном праве. Первое – это дальнейшее совершенствование порядка исполнения отдельных видов наказания. Второе направление связано с сужением пределов судейского усмотрения³. Реализация этих мер, исходя из позиций советских ученых, способствовала бы стабилизации судебной практики, обеспечению законности и достижению социальной справедливости.

Таким образом, в работах советских ученых, датированных 1919–1949 гг., содержались положения с искаженным пониманием справедливости в уголовном праве. Однако в советской доктрине

¹ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 142–143.

² Там же. С. 143.

³ «Широкие возможности, предоставленные действующим правом для индивидуализации ответственности, привели на практике к тому, что меры наказания, назначаемые за сходные преступления, в различных регионах страны стали существенно (иногда в полтора раза) отличаться. Такое положение следует расценивать не только как нарушение стабильности уголовной политики, но и как существенное нарушение принципа справедливости ответственности, так как размер ответственности, ее характер оказываются в зависимости не от тяжести преступления, степени вины и личности виновного, а от места совершения преступления, личности судьи, выносящего приговор, и т. д.» (Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 145).

1950–1980-х гг. происходит признание этой идеи и придание ей статуса принципа уголовного права.

Изучение истории науки уголовного права советского периода имеет важнейшее значение, поскольку позволяет вскрыть имевшие место ошибки и перегибы с тем, чтобы избежать в будущем их повторения. Нельзя не согласиться с мнением Б. М. Кедрова, что «изучение прошлого может и должно служить средством для того, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс»¹.

Несмотря на то что с принятием в 1996 г. УК РФ справедливость закреплена в качестве одного из его принципов, в современной уголовно-правовой доктрине утвердился подход к справедливости как к фундаменту нравственных оснований уголовного права. Именно справедливость позволяет гармонизировать репрессивное начало уголовного права с общественным запросом на соответствие содеянного и воздаяния за причиненный вред².

Принципу справедливости принадлежит ведущая роль при решении различных коллизий. Он направлен на установление взаимодействия всех элементов механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений. Справедливость рассматривается в качестве «высшего принципа» или «сверхпринципа». Это «исходное начало», обуславливающее другие принципы уголовного права, влияющее на уголовное законодательство и определяющее содержание уголовно-правовых норм³.

¹ Кедров Б. М. История науки и принципы ее исследования // Вопросы философии. 1971. № 9. С. 78.

² «В самом общем виде справедливость означает определенное соответствие друг другу и признанным человеческим ценностям различных общественных отношений, поощрение добра добром, воздаяние за зло и т. п. Она основывается на социальном равенстве людей, на уважении личности и создании ей условий для всестороннего развития. В понимании справедливости важно то, что она представляет собой не оценку чего- или кого-либо, а именно соотношение между двумя явлениями, отношениями и т. п. Критериями такого соотношения выступают такие моральные, этические категории, как добро, честь и честность и т. д.» (Лопашенко Н. А. Введение в уголовное право: учеб. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 62).

³ По мнению А. В. Наумова, «справедливость в уголовном праве в известном смысле аккумулирует в себе и другие важнейшие его принципы, и в первую очередь принципы законности, равенства граждан перед законом и гуманизма... каждый из них характеризует определенную качественную сторону (или аспект) справедливости в уголовном праве, без которой нет и не может быть справедливости в целом. Так, нет справедливости, если при отправлении правосудия по уголовному делу нарушаются законность, принцип равенства перед законом, принцип гуманизма. Таким

Сегодня ученые выделяют роль принципа справедливости в законотворчестве и правоприменительной деятельности, а также в жизни человека и общества¹. Конкретизируя значение рассматриваемого принципа на уровне межличностных и общественных связей, авторы отмечают, что он охватывает отношение к назначенному наказанию, причем как осужденного и потерпевшего, так и населения в целом².

Рассматривая значение принципа справедливости в процессе законотворчества, следует подчеркнуть, что он требует от законодателя мотивированно проводить криминализацию и декриминализацию деяний, устанавливать виды и размеры наказаний за них с учетом общественного мнения. При принятии, изменении или отмене уголовно-правовых норм следует руководствоваться не только объективными потребностями человека, общества и государства, но и представлениями людей о справедливости и несправедливости. По данному поводу И. И. Карпец пишет, что и уголовное право, и законодательство реализуют свои задачи только тогда, когда они строятся с учетом экономических, политических, социальных, юридических и конкретно-исторических соображений и способствуют утверждению нравственных положений³.

Принцип справедливости имеет большое значение в правоприменительной деятельности. Соблюдение требований принципа справедливости повышает авторитет государства, законодательных органов, позволяет минимизировать судебные ошибки и сужает судебское усмотрение. Данный принцип, воздействуя на должностных лиц правоприменительных органов, требует от них глубокого восприятия предписаний уголовного права, способствует «последовательному соблюдению прав и интересов граждан, стабильной уголовной политике»⁴.

Важную роль принцип справедливости играет в жизни человека и общества. В. П. Ревин в связи с этим отмечает, что принцип спра-

образом, справедливость можно рассматривать и как обобщающий принцип или обобщающее начало уголовного права» (Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 79).

¹ См.: Уголовное право России: учебник: Общая и Особенная части / Г. М. Миньковский, А. А. Магомедов, В. П. Ревин; под общ. ред. В. П. Ревина. М.: Брандес: Альянс, 1998. С. 13.

² См., например: Велиев С. А. Принципы назначения наказания. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 290.

³ См.: Карпец И. И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. лит., 1985. С. 6.

⁴ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 32.

ведливости направлен на адекватное восприятие уголовной ответственности и наказания, в то время как несправедливость, напротив, сводит на нет их действенность¹.

Принцип справедливости дает возможность подсудимому почувствовать себя защищенным от необоснованных репрессий, получить моральное удовлетворение от справедливого наказания, соответствующего установленным в уголовном законе критериям. «Принципы уголовного права, – указывает С. А. Галактионов, – служат... гарантией от произвола и необоснованного ограничения прав лиц, совершивших преступление»².

Для потерпевшего роль данного принципа заключается в укреплении веры в действующее законодательство. Назначенное справедливое наказание подсудимому способствует нейтрализации негативных эмоций потерпевшего и сдерживает его от самосуда³.

Значение принципа справедливости для общества в целом проявляется в том, что он оказывает непосредственное информационное воздействие на граждан, в значительной степени содействуя формированию их правосознания. По мнению Г. М. Миньковского, ознакомление граждан с содержанием принципов уголовного права позволяет установить их отношение к уголовному закону и практике его применения, в том числе ориентироваться в собственных правах и возможностях в сфере борьбы с преступностью и общественного контроля над ней⁴.

В современном уголовном праве, соответственно, признается существенное значение принципа справедливости. Он необходим законодателю и правоприменителю, отдельному человеку и обществу в целом. Этот принцип формирует правосознание людей, их представления о справедливости и несправедливости уголовного законодательства и правосудия.

Таким образом, в советской науке уголовного права в понимании справедливости выделяются два этапа. Первый этап (1919–1949 гг.) связан с ослаблением влияния категории справедливости на уго-

¹ См.: Уголовное право России: учебник: Общая и Особенная части / Г. М. Миньковский, А. А. Магомедов, В. П. Ревин; под общ. ред. В. П. Ревина. М.: Брандес: Альянс, 1998. С. 13.

² Галактионов С. А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 69.

³ См.: Коновальчук М. В. Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 61.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. для студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция» / Д. И. Аминов, Л. И. Беляева, В. Б. Боровиков [и др.]; под ред. В. П. Ревина. М.: Юрид. лит., 2000. С. 15.

ловное законодательство. Характеризуется тем, что позиции ученых относительно различных уголовно-правовых вопросов (прежде всего, это касается теории опасного состояния личности) не соответствовали идеям справедливости. Второй этап (1950–1980-е гг.) связан с восстановлением в законодательстве приоритета основополагающих общечеловеческих ценностей. Справедливость стала рассматриваться в качестве принципа уголовного права. Несмотря на отсутствие прямого законодательного закрепления, на уровне уголовно-правовой доктрины принцип справедливости подвергался тщательному анализу. Советская наука не только оказала заметное влияние на актуальные учения о принципах уголовного права, но и внесла непомерный вклад в развитие идеи справедливости.

На современном этапе активно исследуются различные аспекты уголовно-правового принципа справедливости. Особое внимание уделяется статусу и значению этого принципа для общества и государства. Принцип справедливости как правовая категория на протяжении долгого времени будет представлять научный интерес для ученых-криминалистов.

* * *

Сформулируем выводы по второй главе. В системе отечественных научных мировоззрений условно можно выделить три периода формирования и развития принципа справедливости в уголовном праве: дореволюционный (вторая половина XVIII в. – 1917 г.), советский (1919–1980-е гг.), современный (1996 г. – настоящее время).

Становление идеи справедливости в уголовном праве связано с научными изысканиями представителей классической научной школы XVIII–XIX вв. В дореволюционной науке уголовного права принцип справедливости не являлся самостоятельным предметом исследования, вместе с тем лежал в основании взглядов ученых относительно различных уголовно-правовых вопросов.

Советский период делится на два этапа: первый связан с тем, что на взгляды ученых значительное влияние оказывала советская власть, определявшая содержание и направленность уголовно-правовых исследований, второй предопределен изменением политики государства и восстановлением приоритета в науке уголовного права основополагающих общечеловеческих ценностей. В работах советских ученых, датированных 1919–1949 гг., содержались положения с искаженным пониманием справедливости в уголовном праве.

В советской доктрине 1950–1980-х гг. происходит признание этой идеи и придание ей статуса принципа уголовного права.

Современная теория уголовного права признает значение принципа справедливости в двух сферах: государственной и общественной; на него опираются и от него исходят как законодатель, так и правоприменитель, как отдельный человек, так и общество в целом. Данный принцип формирует в сознании людей представление о справедливости уголовного законодательства и правосудия, а его реализация обуславливает перспективный вектор развития государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение категории «справедливость» с точки зрения социальной философии, определение особенностей проявления этой идеи в науке уголовного права позволили сформулировать ряд выводов.

1. Справедливость представляет собой пронизывающее широкую сферу жизнедеятельности людей социальное явление, которое возникает, существует и изменяется на определенном этапе развития конкретного общества. Эта категория отражает исторические, социально-экономические, политические и правовые условия существования общества и государства, а также тенденции их развития. Как понятие нравственности справедливость выступает в качестве критерия оценки деятельности людей сквозь призму общественных интересов, выражающего соотношение установленных явлений и процессов с позиции разделения добра и зла.

2. Справедливость является одним из ориентиров в формировании права, а соразмерность (адекватность) – основной элемент содержания справедливости и права. Справедливость требует соразмерности между правами и обязанностями личности, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием. При этом установление соразмерности может привести как к равенству, так и к неравенству. С одной стороны, справедливым является то, что одинаково, равно для всех. Во взаимоотношениях людей требование равенства – это требование естественного права, вытекающее из человеческой природы. С другой стороны, поскольку люди не равны между собой по физическим и интеллектуальным способностям, имущественному и социальному положению и т. д., применять требования равенства к неравным в буквальном смысле слова людям несправедливо. Правовые требования тем самым должны быть соразмерны индивидуальным особенностям человека.

3. В отечественном уголовном праве становление идеи справедливости связано с учениями представителей классической научной школы XVIII–XIX вв. В дореволюционной науке уголовного права принцип справедливости не являлся самостоятельным предметом исследования, вместе с тем лежал в основании взглядов ученых относительно различных уголовно-правовых вопросов.

4. В работах советских ученых 1919–1949 гг. содержались положения с искаженным пониманием справедливости в уголовном праве. В советской доктрине 1950–1980-х гг. произошло признание этой идеи и придание ей статуса принципа уголовного права.

5. Современная уголовно-правовая доктрина рассматривает справедливость в качестве фундамента нравственных оснований уголовного права, средства гармонизации репрессивного начала уголовного права с запросом людей на соответствие содеянного и воздаяния за причиненный вред. Принципу справедливости принадлежит ведущая роль при разрешении различных коллизий. Он направлен на установление взаимодействия всех элементов механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Принцип справедливости имеет для государства и общества существенное значение. Он обязывает законодателя обоснованно проводить криминализацию и декриминализацию деяний, устанавливать виды и размеры санкций за них, опираясь на общественное мнение. При принятии, изменении или отмене уголовно-правовых предписаний законодатель всегда руководствуется не только объективными потребностями человека, общества и государства, но и морально-нравственными представлениями и взглядами людей.

Реализация принципа справедливости повышает авторитет государства, законодательных органов и позволяет избежать судебных ошибок. Воздействуя на должностных лиц правоприменительных органов посредством требования глубокого восприятия уголовно-правовых норм, идея справедливости способствует обеспечению прав и свобод человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Законы Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с послед. изм.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

Российское законодательство X–XX вв., законодательство СССР

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. В. Л. Янин. – Москва : Юрид. лит., 1984. – 432 с.

2. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 520 с.

3. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное Уложение 1649 года. Акты Земских соборов / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 512 с.

4. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 512 с.

5. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. Б. В. Виленский. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 496 с.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1845. – 898 с.

7. Уголовное уложение (статьи, введенные в действие). Т. 15: Свод законов / сост. Н. И. Арефа. – Москва : Изд-во юрид. книж. магазина «Правоведение», 1911. – 212 с.

8. Таганцев, Н. С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург, 1904. – 1122 с.

9. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н. С. Таганцев. – 18-е изд., пересмотр. и доп. – Петроград : Гос. тип., 1916. – 1285 с.

10. Таганцев, Н. С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Правительствующего Сената / Н. С. Таганцев. – Изд. 22-е, доп. – Петроград : Гос. тип., 1914. – 576 с.

11. Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 686 с. – (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

12. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. : постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

13. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

14. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

15. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г. (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 25.11.1935) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

16. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 7 августа 1932 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

17. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 08.04.1989) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

18. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) : закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред.

от 30.07.1996) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

19. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик : приняты ВС СССР от 2 июля 1991 г. № 2281-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.02.2024).

Монографии, учебники и иная литература

1. Абельяр, Пьер. Теологические трактаты. Пер. с лат., вступ. ст., сост. Неретиной С. С. – Москва : Прогресс, Гнозис. 1995. – 413 с. – ISBN 5-7333-0389-1.

2. Августин, Аврелий. Творения: в 4 т. Т. 3: О Граде Божием. Книги I–XIII. – Санкт-Петербург : Алетейя; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. – 595 с. – ISBN 5-89329-087-5.

3. Античная философия / Московский университет им. М. В. Ломоносова. – 3-е изд. – Москва : Высшая школа ; Москва : МГУ, 2005. – 400 с. – (История философии) (Классический университетский учебник). – ISBN 5-06-003049-0.

4. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер. и прим. проф. С. И. Радцига. – 2-е изд. – Москва : Гос. соц.-экон. Изд-во, 1937. – 252 с.

5. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / пер. с др.-греч., общ. ред. А. И. Доватура. – Москва : Мысль, 1984. – 830 с.

6. Асмус, В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – 3-е изд. – Москва : Высшая школа, 2003. – 400 с. – ISBN 5-06-003049-0.

7. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского : в 12 т. / под ред. и с прим. С. А. Венгерова. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900–1948. Т. 11: Критические статьи. – Статьи о Пушкине. – Петроград : Типо-лит. А. Э. Винеке, 1917. – 410 с.

8. Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н. А. Беляев. – Ленинград : ЛГУ, 1986. – 177 с.

9. Боргош, Ю. Фома Аквинский / пер. с польск. М. Гуренко. – 2-е изд. – Москва : Мысль, 1975. – 183 с.

10. Велиев, С. А. Принципы назначения наказания / С. А. Велиев. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 386 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоц. Юрид. центр). – ISBN 5-94201-365-9 (в пер.).

11. Владимиров, Л. Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа / Л. Е. Владимиров. – Москва : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1903. – 244 с.

12. Владимиров, Л. Е. Учебник русского уголовного права : Общ. часть / [Л. Е. Владимиров, проф. Имп. Харьк. ун-та]. – Харьков : Изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889. – 253 с.

13. Вышинский, А. Я. Вопросы теории государства и права / А. Я. Вышинский. – Москва : Госюриздат, 1949. – 419 с.

14. Гегель, Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Наука, 1978. – 437 с. – (Памятники философской мысли).

15. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.

16. Герцен, А. И. Былое и думы / А. И. Герцен. – Ленинград : Гослитиздат, 1946 (Тип. «Печ. Двор»). – 888 с.

17. Гроций, Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций. – Москва : Госюриздат, 1956. – 868 с.

18. Гулыга, А. В. Кант / А. В. Гулыга. – Москва : Молодая гвардия, 1977. – 304 с. (Жизнь замечат. людей. Серия биографий. Вып. 7 (570)).

19. Десницкий, С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным: В публичном собрании Имп. Московского университета на высочайший день рождения... имп. Екатерины Алексеевны... – Москва : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1770. – 26 с.

20. Десницкий, С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции: В публичном собрании Имп. Московского университета бывшем для всерадостного дня возшествия на всероссийский престол... имп. Екатерины Алексеевны... – Москва: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. – 51 с.

21. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. Т. I, кн. I–IV / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – Москва : Статут, 2002. – 584 с. – (Золотая коллекция «КонсультантПлюс»). – ISBN 5-8354-0113-2.

22. Дионисий Ареопагит. О божественных именах; О мистическом богословии / Дионисий Ареопагит ; изд. подгот. Г. М. Прохоровым ; вступ. ст., подгот. греч. текстов и рус. пер. Г. М. Прохорова. – Санкт-Петербург : Глаголь, 1994. – 370 с. – ISBN 5-85381-023-5.

23. Ильин, И. А. Религиозный смысл философии : три речи 1914–1923 ; Поющее сердце : книга тихих созерцаний / И. А. Ильин. – Москва : АСТ : Хранитель, 2007. – 285 с. (Философия. Психология). – ISBN 5-17-040410-7 (АСТ).

24. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – Москва : Русская книга, 1993–1999. Т. 6, кн. 1. – 1996. – 557 с. – ISBN 5-268-01094-8 (в пер.).
25. Кант, И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса. – Москва : Мысль, 1965. – 478 с. – (Философское наследие АН СССР).
26. Карпец, И. И. Уголовное право и этика / И. И. Карпец. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 256 с.
27. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1988. – 176 с. – ISBN 5-02-012802-3.
28. Кентерберийский, Ансельм. Сочинения / Ансельм Кентерберийский. – Москва : Канон, 1995. – 400 с. – ISBN 5-88373-053-1.
29. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть / орд. проф. Ун-та св. Владимира А. Ф. Кистяковского. – Киев : В Унив. тип., 1875. – 413 с.
30. Колоколов, Г. Е. Уголовное право. Общая часть. – Москва : О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1905. – С. 543.
31. Крыленко, Н. В. Реформа Уголовного кодекса (Основные принципы пересмотра Уголовного кодекса): Доклад Н. В. Крыленко на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников. – Москва : Госуд. юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929 («Мосполиграф» 18 тип. им. М. П. Рогова). – 64 с.
32. Крыленко, Н. В. Суд и право в СССР : теоретический и практический комментарий к основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР / Н. В. Крыленко. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. – 164 с.
33. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт ; пер. и послесл. С. И. Соболевского ; РАН, Ин-т философии. – Москва : Наука, 1993. – 379 с. – ISBN 5-02-008058-6.
34. Куницын, А. П. Право естественное / соч. А. Куницыным. – Санкт-Петербург : Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – 135 с.
35. Левицкий, Г. А. Русские и западноевропейские ученые XIX и начала XX вв. об уголовном законе, преступлении и наказании : хрестоматия / Г. А. Левицкий ; под общ. ред. В. П. Сальникова ; Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2004. – 152 с.

36. Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / редкол. : Б. Э. Быховский, Г. Г. Майоров, И. С. Нарский [и др.] ; АН СССР, Ин-т философии. – Москва : Мысль, 1989. – 554 с. – ISBN 5-244-00371-2 (в пер.).

37. Литературное наследство. Герцен и Огарев. Т. 61. – Москва : Академия наук СССР, 1953. – 938 с.

38. Лопашенко, Н. А. Введение в уголовное право : учеб. пособие / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 224 с. – ISBN 978-5-466-00427-4 (обл.).

39. Лохвицкий, А. В. Курс русского уголовного права / Соч. А. Лохвицкого, д-ра прав. – Санкт-Петербург : Журн. М-ва юст., 1867. – 662 с.

40. Люблинский, П. И. Применение уголовного закона по аналогии / П. И. Люблинский // Право и Жизнь. – Москва, 1924. – Книга 1. – С. 40–50.

41. Маковельский, А. Софисты. Вып. 1 / А. Маковельский. – Баку : Издание НКП АзССР, 1940. – 47 с.

42. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 238 с.

43. Мокринский, С. П. Наказание, его цели и предположения / Соч. С. П. Мокринского, и. д. э.-орд. проф. Томск. ун-та. Ч. 1–3. – Москва : Унив. тип., 1902–1905. – 3 т. ; Общее и специальное предупреждение преступлений. – 1902. – 157 с.

44. Монтескьё, Ш. Л. де. Избранные произведения / Ш. Л. де Монтескьё ; общ. ред. и вступ. ст. проф. М. П. Баскина ; прим. Р. С. Минделиной ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 800 с.

45. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Шарль Луи Монтескье ; [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. – Москва : Мысль, 1999. – 672 с. (Из классического наследия). – ISBN 5-244-00929-X.

46. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении Проекта Нового Уложения. Памятники русского законодательства 1649–1832 гг. / под ред. Н. Д. Чечулина. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1907. – 340 с.

47. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2020. – 784 с. – ISBN 978-5-392-31317-4.

48. Наумов, И. М. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. – Санкт-Петербург : В Мед. тип., 1813. – 17 с.

49. Неволин, К. А. Энциклопедия законоведения / К. А. Неволин ; Изд. подгот. [и вступ. ст., с. 3-21, написали] Д. И. Луковская [и др.] ; С.-Петерб. гос. ун-т, Юрид. и спец. юрид. фак., Журн. «Правоведение». – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 399 с. (Из истории отечественного правоведения). – ISBN 5-288-01841-3 (в пер.).

50. Нейман, И. Е. Начальные основания уголовного права / И. Е. Нейман. – Санкт-Петербург : В тип. Иос. Иоаннесова, 1814. – 75 с.

51. Нерсисянц, В. С. История политических и правовых учений : учебник для вузов / В. С. Нерсисянц. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2005. – 933 с. – ISBN 5-89123-748-2.

52. Нерсисянц, В. С. Политические учения Древней Греции / В. С. Нерсисянц. – Москва : Наука, 1979. – 261 с.

53. Нерсисянц, В. С. Философия права Гегеля / В. С. Нерсисянц. – Москва : Юристъ, 1998. – 352 с. – ISBN 5-7975-0107-4 (в пер.)

54. Нерсисянц, В. С. Сократ / В. С. Нерсисянц. – Москва : Наука, 1980. – 150 с.

55. Нерсисянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсисянц. – Москва : Норма, 2006. – 834 с. – ISBN 5-468-00002-4.

56. Нерсисянц, В. С. Философия права : учебник / В. С. Нерсисянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА, 2009. – 848 с. – ISBN 978-5-91768-028-6.

57. Ницше, Ф. Антихрист / Ф. Ницше ; пер. Н. Н. Полилова. – Санкт-Петербург : Прометей, 1907. – 155 с.

58. Ницше, Ф. Собрание сочинений : Т. 1 / Ф. Ницше. – Москва : М. В. Клюкин, 1900–1903.

59. Новгородцев, П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / предисл. : А. П. Альбов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 320 с. – ISBN 5-89329-282-0.

60. Пионтковский, А. А. Об условном осуждении или системе испытания: Уголовно-полит. исслед. А. Пионтковского, прив.-доц. Новорос. ун-та. – Одесса : Типо-лит. Штаба Одес. воен. окр., 1894. – 191 с.

61. Пионтковский, А. А. Советское уголовное право... / А. А. Пионтковский ; РАНИОН. Институт советского права. – 3-е изд., испр.

и доп. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. Т. 1 : Общая часть. – 1929. – 371 с.

62. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. – Москва : Мысль, 1998. – 798 с. – ISBN 5-244-00875-7.

63. Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий : пер. с древнегреч. / Платон ; общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.]. – Москва : Мысль, 1999. – 656 с. – (Классическая философская мысль). – ISBN 5-244-00923-0.

64. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права / Соч. С. В. Познышева, прив.-доц. Моск. ун-та. Вып. 1–2. – Москва : Унив. тип., 1907–1909. – 2 т. ; Вып. 1. – 1907. – 122 с.

65. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права : Общ. часть уголов. права / [Соч.] С. В. Познышева, проф. Моск. ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : А. А. Карцев, 1912. – 653 с.

66. Покровский, И. А. История римского права. – Петроград : Изд-е Юрид. книж. склада «Право», 1918. – 430 с.

67. Проблемы социалистического права. Сб. 1 / под ред. Н. В. Крыленко. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – 206 с.

68. Сергеевский, Н. Д. Наказание в русском праве XVII века: Исслед. Н. Д. Сергеевского, экстраорд. проф. С.-Петерб. ун-та. – Санкт-Петербург : А. Ф. Цинзерлинг, 1887. – 300 с.

69. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая / Н. Д. Сергеевский. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 364 с.

70. Солнцев, Г. И. Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором... Гавриилом Солнцевым: Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна, проф. Демидов. юрид. лица. – Ярославль, 1907. – 219 с.

71. Соловьев, В. С. Право и нравственность / Владимир Соловьев. – Минск : Харвест; Москва : АСТ, 2001. – 190 с. – ISBN 5-17-001847-9 (АСТ).

72. Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. / В. С. Соловьев ; [общ. ред. и сост. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги ; прим. С. Л. Кравца и др.]. – Москва : Мысль, 1988. – ISBN 5-244-00192-2.

73. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Т. 2. Часть общая / Н. С. Таганцев ; сост. Н. И. Загородников. – Москва : Наука, 1994. – 393 с.

74. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург, 1902.

75. Трайнин, А. Н. Уголовное право : Общая часть / А. Н. Трайнин проф. 1-го Моск. госуд. ун-та. – Москва : Изд-во 1-го Моск. госуд. ун-та, 1929 (типо-лит. им. т. Воровского). – 511 с.

76. Уголовное право России : учебник : Общая и особ. части / Г. М. Миньковский, А. А. Магомедов, В. П. Ревин ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Ревина. – Москва : Брандес : Альянс, 1998. – 526 с. – ISBN 5-98836-002-6.

77. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник для студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция» / Д. И. Аминов, Л. И. Беляева, В. Б. Боровиков [и др.] ; под ред. В. П. Ревина. – Москва : Юрид. лит., 2000. – 813 с. – ISBN 5-7260-0954-1.

78. Уголовное право. История юридической науки / Н. Д. Дурманов, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер, В. Д. Меньшагин [и др.] ; отв. ред.: В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1978. – 309 с.

79. Фефелов, П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права / П. А. Фефелов. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1970. – 144 с.

80. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. – 514 с.

81. Цветаев, Л. А. Начертание теории уголовных законов / Изданное для употребления учащихся профессором Львом Цветаевым. – Москва : В Универ. тип., 1825. – 82 с.

82. Цицерон, Марк Туллий. О государстве: О законах; О старости; О дружбе; Об обязанностях; Речи; Письма / Марк Туллий Цицерон. – Москва : Мысль, 1999. – 782 с. – ISBN 5-244-00917-6.

83. Чельцов-Бебутов, М. А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции / М. А. Чельцов-Бебутов. – Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – 92 с.

84. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского [и др.] ; вступит. ст. «Ленин о Чернышевском» Н. Л. Мещерякова. – Москва : Гослитиздат, 1939–1953. – 16 т. ; Т. 14 : Письма 1838–1876 гг. / под ред. Б. П. Козьмина. – 1949. – 897 с.

85. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского [и др.] ; вступит. ст. «Ленин о Чернышевском» Н. Л. Мещерякова. – Москва : Гослитиздат, 1939–1953. – 16 т. ; Т. 5 : Статьи. 1858–1859. – 1950. – 1006 с.

86. Чичерин, Б. Н. Философия права / [Соч.] Б. Чичерина. – Москва : Типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1900. – 337 с.

Статьи

1. Берман, Я. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства / Я. К. Берман // Пролетарская революция и право. – 1919. – № 2–4. – С. 35–52.
2. Бранденбургский, Я. Н. Революционная законность, прокуратура и адвокатура / Я. Бранденбургский // Советское право. – Москва, 1922. – № 2. – С. 3–16.
3. Виттенберг, Г. Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР / Г. Б. Виттенберг // Правоведение. – 1962. – № 4. – С. 88–95.
4. Гродзинский, М. Элементы кары и социальной защиты в системе наказаний УССР / М. Гродзинский // Вестник советской юстиции. – 1922. – № 1. – С. 12–20.
5. Демидов, Ю. А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права / Ю. А. Демидов // Правоведение. – 1968. – № 2. – С. 78–85.
6. Загородников, Н. И. Принципы советского социалистического права / Н. И. Загородников // Советское государство и право. – 1966. – № 5. – С. 65–74.
7. Ильин, И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) / И. А. Ильин // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 93–99.
8. Кедров, Б. М. История науки и принципы ее исследования / Б. М. Кедров // Вопросы философии. – 1971. – № 9. – С. 78–89.
9. Козловский, М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право / М. Ю. Козловский // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. – Москва : Гос. изд-во, 1919. – С. 231–240.
10. Крыленко, Н. В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР / Н. В. Крыленко // Советское государство. – 1935. – № 1–2. – С. 85–107.
11. Мокринский, С. П. Покушение и приготовление в советском праве С. П. Мокринский // Советское право. – 1927. – № 1. – С. 56–81.
12. Проект Общей части Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. // Пролетарская революция и право. – 1921. – № 15. – С. 87–95.
13. Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (К теории опасного состояния) / И. Славин // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 8. – С. 1–4.
14. Советское государство и право. – 1954. – № 5, 6, 7.
15. Советское государство и право. – 1955. – № 1, 2.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Галактионов, С. А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Галактионов Станислав Александрович. – Рязань, 2004. – 169 с.
2. Дагель П. С. Роль уголовной репрессии в период развернутого строительства коммунизма : автореф. дис. канд. юрид. наук / П. С. Дагель. – Ленинград, 1962. – 23 с.
3. Коновальчук, М. В. Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Коновальчук Марина Валерьевна. – Саратов, 2009. – 204 с.

Словари

1. Краткий словарь по философии / [Н. И. Азаров, А. С. Айзикович, Н. П. Аникеев [и др.] ; под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина]. – 4-е изд. – Москва : Политиздат, 1982. – 431 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : ЛД ИНВЕСТ : Азбуковник, 2003. – 939 с. – ISBN 5-89285-003-X.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Сов. энцикл., 1983. – 839 с.

Выступления Президента Российской Федерации

1. Путин заявил о влиянии социальной справедливости на состояние общества. – URL: <https://ria.ru/20240326/putin-1935944043.html> (дата обращения: 27.03.2024).
2. Справедливость, уникальность России и будущее ИИ. Путин выступил на закрытии ВФМ-2024. – URL: <https://tass.ru/politika/20177987?from=teaser> (дата обращения: 27.03.2024).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	5
§ 1. Генезис теории справедливости в социально-философских парадигмах Античности и Средневековья	5
§ 2. Осмысление проблем справедливости в философии Нового и Новейшего времени	20
ГЛАВА 2. ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА	35
§ 1. Отражение идеи справедливости в уголовно-правовых взглядах теоретиков дореволюционного периода	35
§ 2. Понимание справедливости в советской и современной науке уголовного права.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	66

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учебное издание

Нифталиева Ирина Алисаламовна

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО:
ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Учебное пособие

Редактор *М. В. Остертак*
Компьютерная верстка *Н. А. Доненко*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36

Подписано в печать 30.09.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Arial. Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 4,7.

Тираж 50 экз. Заказ 52.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.